

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в клубе "Юнионъ"
состоится

Анонсъ

состоится

только

одина

концертъ

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

възвѣстной биржи
въ этомъ домѣ вѣ стражи

Концертъ Марин Ивановны Долиной

Х. К. Акцери П. Исак

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 1 (72).

Март. 2009 год.

На бегу, расталкивая даты локтями, вскочил в свое семидесятилетие. Слово-то какое большое, не напишешь в один присест, не выразишь сразу. А ему вроде бы все ничего, где-то за плечами отрывной календарь, на нем мелькают дни, недели — и нет конца этому страстному бегу любви, энергии, нежности.

О Михаиле Жванецком за последние сорок лет написано немало. Есть серьезные размышления в некоторых текстах, к примеру, в очерке Юрия Михайлика "Бродский и Жванецкий". Но, увы, чаще всего статьи строятся как более или менее удачный набор ставших афоризмами фраз самого М. Жванецкого. Дескать, он ведь и так о себе все сказал.

Во-первых, не столько о себе, сколько о нас.

Во-вторых, цитируя Жванецкого, мы не приближаемся к разгадке "феномена Жванецкого", а как бы удаляемся от него, так как он бежит дальше. И новые его наблюдения еще глубже, еще точнее.

Как ключ к решению феномена Жванецкого предлагали признать его поэтом. Конечно, он ритмичен, паузы в его текс-

тах не менее пластичны, чем слова. Но признать его можно и драматургом, и прозаиком, и эссеистом. А дальше что?

Так, может, начать не с него, а с нас?

Кто собеседник Михаила Жванецкого?

Кто его слушал, записывал на бобины магнитофонов вчера, кто покупает его книги, ходит на его концерты сегодня?

И вот тут важно не забыть, что Жванецкий бежит, он в движении. Год за годом он разный. Оставаясь собой, самосовершенствуясь, он не останавливается.

И собеседник меняется. Правда, позволю себе, может быть, и обидеть кого-нибудь, меняется медленнее Автора. Поэтому позавчерашний собеседник иногда теряет контакт с новым Жванецким.

Позволю себе предположить, что по первоначальному замыслу, собеседником Автора был "обыватель". Как и у М. Зощенко. Нет, не только герой, но и собеседник.

Потом следующие круги стадиона — и вот уже в собеседниках оказывается интеллигент (то ли из героев, то ли из собеседников А. Чехова). Жванецкому есть что сказать, интел-

лигент с восторгом вступает в безмолвный диалог. Затем новые круги, и проблема усложняется. Герой и автор двоятся, перевоплощаясь один в другого. А собеседник — интеллект. Не меньше. И Джойса читавший, а если кино — то уже не с Целиковской, а со Скарлет Йохансон...

И вот эти на сегодняшних концертах в непрерывном контакте.

А те — из шестидесятых-восемидесятых? Если бежали по тому же стадиону с большей скоростью, с меньшей скоростью, — они догоняют. А если нет? Придется им ждать переводов на албанский.

Идеал — найти нового читателя, слушателя, собеседника, не потеряв старых. Это трудно было и Гоголю, и Зощенко. Ильф не успел озаботиться этой проблемой — его жизненный путь длиной в сорок лет. Но и Михаил Жванецкий в 75 не воспринимается как патриарх. Все те же 25, но уже три раза! Бег продолжается. Скорость уже меньше скорости света, но еще больше скорости звука. А от автора до собеседника расстояние в одно биение сердца.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Президенту Берлинского клуба одесситов им. Курильского

Михаилу Мисоженку

Всемирный клуб одесситов сердечно поздравляет ваш клуб с днем рождения.

Желаем дальнейшего процветания. Здоровья и счастья всем членам клуба, родным и близким.

Благодарим вас за ту благородную работу, которую вы проводите во благо процветания нашего любимого города.

По поручению президентского совета

директор клуба

А. Рукман

Здравствуйтесь! Меня зовут Анатолий Леонидович Коварский, 63 года от роду. В настоящее время проживаю в Санкт-Петербурге. До это с 1978 по 2000 годы (более 20 лет) жил в красавице Одессе в Киевском районе. И несмотря на то, что сам я родом из Ленинграда, Одесса стала для меня и моей семьи второй родиной! Сын с семьей и сейчас проживает в этом замечательном во всех смыслах городе. Я собираю коллекции одесских песен, анекдотов. Хотелось бы иметь в Петербурге отделение Клуба (а может быть, оно уже есть?), проводить тематические и музыкальные вечера, выставки, встречи с известными одесситами. Место для этого имеется — клуб "Идица" на 250 посадочных мест в здании Ленинградского дворца молодежи (ЛДМ) готов в любое время принять Клуб одесситов!

Во Дворце молодежи я работаю в должности заместителя генерального директора. ЛДМ представляет собой культурно-развлекательный центр с гостиницей, концертным залом на 1000 мест, где в свое время выступали известные советские актеры театра и кино, такие как А. Райкин, А. Миронов, М. Плерхова, А. Пугачева, А. Макаревич и многие другие. Кроме того, в здании центра имеются ночные клубы и рестораны, аквапарк. Одним словом, условия для работы клуба имеются.

Хотелось бы узнать ваше мнение по поводу моего предложения. Кроме того, хочу обратиться к вам с просьбой рассмотреть вопрос о моем членстве во Всемирном клубе одесситов. Это было бы большой честью для меня. Надеюсь на скорый ответ.

С уважением, А. Коварский
info@ldm.ru

Здравствуйтесь, г-н Рукман!

Нет, все-таки лучше по-старорежимному...

Добрый день, товарищ Леонид Рукман! Всем горячий привет из Аравийской долины!

Спасибо!

Честно говоря, не ожидал. Теперь вижу — вы серьезные "органы одесской власти". Имеется в виду — в мире...

Я получил билет виртуального члена на свой e-mail.

Могли ли получить его по обычной почте?

Я кибдирик. Почти 20 лет. Мы находимся в 50 км севернее города Эйлат. Это самая южная точка Израиля, Аравийская долина. Отец рассказывал, что на Юге Украины были киббуцы. А сам он работал в первом МЛПС в СССР.

Если вам это интересно, то расскажу. Вы себе не представляете, гостиницы Эйлата забиты отдыхающими русскими. misticmeister@gmail.com

Я нашел ваш вебсайт в Интернете. Хотелось бы получить информацию о вашей группе в Одессе. Мне 63 года, я американец. Ищу место, где бы я мог жить на небольшую пенсию (по американскому соцобеспечению), и сейчас изучаю возможность сделать это в Одессе. Буду очень благодарен, если смогу получить от вас информацию на эту тему.

Donald Young
donaldyoung21@gmail.com

Я увидел вас по телевизору, хотел вступить в "Общество сумасшедших". Вы очень хороший человек и очень похожи на моего отца.

Руслан Дремук
Украина, Винница
Возраст: 24 года

Здравствуйтесь!

Спасибо за предложение участвовать в работе, за подробное письмо и приложение к нему. Идея ваша мне понравилась, а участники рабочей группы уже давно рекомендовали себя многим работам по одесской тематике, и безусловно, справятся.

Я мог бы подготовить, в первую очередь, материал о моем дед Михаиле Федоровиче Безчастнове, много полезного сделавшего для Одессы в период его работы в архитектурных органах города.

Полагаю, что его личность достойна быть в числе предполагаемых 1000 важнейших одесских персоналий. Подумаю и о других достойных одесситах.

Пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания нашим общим знакомым, друзьям, и в первую очередь, Аркадию Розенбойму, Евгению Толубовскому, Анатолию Горбатюку.

С уважением,
ваш И.М. Безчастнов

P.S. Занимается сейчас кто-либо деятельностью А. Бернардацци?

Здравствуйтесь, уважаемые члены клуба.

Хотелось бы выразить благодарность за ваш титанический и столь нужный труд. Меня зовут Виолетта. Я начинающий экскурсовод, поэтично всегда с интересом читаю публикации на вашем сайте. Ну, и не только поэтично, просто потому что люблю наш город. Последние несколько лет меня очень интересуют тема "Женщины в истории Одессы". Недавно по одному из одесских каналов прошла информация о том, что мать Зигмунда Фрейда Амалия жила в нашем городе. В Интернете я нашла несколько противоречивых данных по этому поводу. Одни пишут, что Амалия родилась и выросла в Одессе, другие — что только выросла и училась в гимназии, но никаких более конкретных данных мне найти не удалось. В телевизионном сюжете же звучал адрес: Екатерининская пл., 5 (если мой слух меня не подвел, и я ничего не перепутала). Может быть, вы мне сможете помочь или указать источник, где можно найти более подробную информацию.

Заранее спасибо и успехов во всех ваших начинаниях.

Диана Виолетта
vi_ola@list.ru

Здравствуйтесь!

Прочла информацию о линкоре "Новороссийск" на вашем сайте и хочу сказать, что мой отец находился на корабле во время взрыва. Он оказался в числе счастливых и выжил. Да, окончательная версия гибели линкора не была названа и не будет, ведь на самом деле мы можем только предполагать и верить или не верить той или иной версии. Рассказ на сайте очень интересен, и я склонна верить в то, что именно диверсия была причиной гибели корабля. Я об этом думала и раньше, но об этом предпочитали не писать.

А мой отец рассказывал о том, как он оказался в воде после взрыва, шел ко дну и думал, что умирает, как вдруг какой-то поток пузырей стал поднимать его наверх. Я была маленькая и всех деталей не помню, но могу узнать у моих родственников в Самаре. Они мне тоже об этом рассказывали.

Сам отец умер в 1980 году, очень жаль, что нельзя с ним поговорить на эту тему.

Спасибо за приглашение в клуб, я была в Одессе много лет назад, поступала там в университет на фл. Петра Великого.

Сейчас я живу в Швеции.

С уважением,

Вера Алексеевна

Вот и Олега вернулся в наш город. Я вас поздравляю.

С уважением,

Зина Давдова,
Израиль

Уважаемые господа!

К вам обращается одессит 1939 г. рождения, переживший все годы оккупации в нашем с вами любимом городе, с убедительной просьбой сообщить о возможности

приобретения мною альбома — книги "Оккупация. Одесса: 1941-1944" М.Б. Лойзера.

С уважением,

Суржков Л.В.

Здравствуйтесь, уважаемый господин Рукман!

Возможно, Вы сочтете меня сумасшедшей, но я надралась смелости обратиться к Вам за помощью, и мне почему-то кажется, что я не ошиблась в своем выборе.

Дело касается одного моего хорошего знакомого — барда из далекого Узбекистана, в свое время окончившего Львовский военный институт культуры Рашида Ахмедова. Я думаю, Вы ничего не потеряете, а наоборот, приобретете, если поможете этому человеку приехать в Одессу, с тем чтобы дать здесь несколько концертов.

У себя на родине, в Узбекистане, Рашид довольно известный автор и исполнитель. У него много песен, и народ всегда встречает его с радостью и не хочет отпускать со сцены, хоть он и не такой раскрученный, как многие звезды эстрады.

Рашид честно исполнил свой долг в Афганистане с сентября 1979 по март 1984 года и этой тематике посвятил много своих песен. Также в его репертуаре песни первой волны воинов-афганцев. Я думаю, что одесская аудитория будет заинтересована творчеством Рашида Ахмедова.

Я знаю, что если Вы не откажете в любезности организовать спонсорскую помощь Рашиду в приезде в Одессу и организации нескольких выступлений, то приобретете в его лице еще одного искреннего друга. Таких честных и открытых людей, как Рашид, сейчас не так много.

Если Вы заинтересуетесь более конкретной информацией, то можете просто написать мне.

Заранее благодарна.

Ольга Чупина

Название "Всемирный клуб одесситов" само по себе очень привлекательно. Правда, я понятия не имею, зачем он, и что там делается, но считаю возможным сообщить о своем существовании (пока) на этом свете, а там смотрите сами.

Кто я

Позволив себе появиться на свет в Одессе в июне 1927 г., я тем самым увеличил число поколений одесской ветви Тернетов до пяти: 1) Христофор, 2) Александр, 3) Владимир, 4) Нина (и ее братья), 5) Эрик.

А так как первый из нас, Христофор, родился в январе 1785 года, то ясно, что начало Одессы и одесскими Тернетами было положено практически в одно время и, следовательно, мы с нею — ровесники.

Я не зря выбрал себе июнь. Это хороший месяц. Именно в июне Одесса празднует даты рождения прославивших ее писателей, а на 2009 год приходится к тому же их юбилей.

6 июня (н. ст.) — Пушкин Александр Сергеевич — 210 лет;

11 (ст. ст.) / 23 июня (н. ст.) — Ахматова Анна Андреевна — 120 лет;

27 июня (ст. ст.) — Тернет Нина Владимировна — 110 лет.

Может быть, не всем хорошо знакомо имя Нины Тернет. Это произошло по двум причинам: из-за ее невероятной скромности и потому, что ее аудиторией всегда были малыши, еще не умеющие читать, не говоря уже — запоминать имена авторов. Зато ее пьески — "Лусенок", "Полянка", "Как котенок научился мяукать" и другие — разошлись по сотням кукольных театров и тысячам самодеятельных кружков всего мира, а международный союз кукольников УНММА принял ее в свои почетные члены (очень редкое отличие для драматурга), наравне с Сергеем Владимировичем Образцовым. Целый ряд пьес Тернет, впервые поставленных и "обкатанных" в театре Образцова, также разошлись по всей белу свету, в том числе первая пьеса для взрослых в кукольном театре — "Волшебная лампа Аладдина".

Детство и юность Нины Тернет прошли в доме 12 на Княжеской улице. Повесть об этом времени — первая мировая война, революция, оккупация глазами детей этого дома — "Дети с Княжеской", так и не

была опубликована в СССР. Видимо, ей судьба — быть впервые напечатанной именно в Одессе.

Одесситам уже были представлены несколько рассказов и стихотворений Нины Тернет — в "Вечерней Одессе" (1987-1992), мой рассказ о роде Тернетов в сборнике "Есть город у моря" (1990) и очерк о Нине Тернет перед ее 100-летним юбилеем в газете "Слово" (декабрь 1998).

Теперь появляется возможность продолжит знакомство.

Можно напомнить, что ее отец, а мой дед Владимир Александрович Тернет — специалист по химии вина, научный руководитель бывшей Винодельческой станции (ныне Институт виноделия), знаменитый эсперантист — тоже родился в июне (1-го числа по старому стилю), и его 140-летие приходится на 2010 год.

Ну, а я подожду. Не претендую.

Эрик Михайлович Тернет,
Санкт-Петербург

raingert@mail.wplus.net

(В этом номере газеты на 13-й стр. опубликованы воспоминания Э. Тернета о Данииле Хармсе.)

Добрый вечер, Лена!

Спасибо за содействие в добывании "Дома князя Гагарина". Сейчас только через несколько рук альманах попал ко мне. Читаю потрясающие записки Ариана Оржеховского и в который раз убеждаюсь в правоте одного из классиков: "Нет ничего надежнее хорошего воспитания". Вот же человек, воспитанный в семье по-человечески. Жизнь бийный, в правах очевидный лишенец, а никакие обстоятельства не могли его расчеловечить, ибо — основа заложена была воспитанием!

У меня просьба: если есть у вас e-mail внука этого человека, Сергея, — не перекиньте ли мне?

Белла

Уважаемый господин Рукман!

Пишу из Нью-Йорка, чтобы попросить Вас помочь мне найти моего старого товарища, живущего в... Нью-Йорке, Юрия Макарова, известного всем веселым одесситам лидера старого одесского КВН... Буду Вам очень признателен. Телефон Юрия я, к сожалению, потерял, пытался искать в Нью-Йорке, но не смог. Так что Вы — моя надежда. Заранее спасибо.

Альфред Тильчинский

П.С.: На всякий случай — если что-то не получится, то сообщите мне номер телефона Жени Калининского, он наверняка знает...

Уважаемые господа!

Подскажите, пожалуйста, где и как можно приобрести книгу Патриции Керлихи "Odessa, A History 1794-1914" на английском языке для нужд Генерального консульства Трениции в Одессе? Есть ли сайт у автора или любой другой источник, где можно это книгу прочитать в электронном варианте (на английском языке) или купить? Возможен также вариант отсканировать книгу с существующего оригинала (опять же только на английском языке).

Будем благодарны за любую информацию. Заранее благодарим за сотрудничество. От имени Генерального консульства Трениции в Одессе,

Николай Кантаржи

Здравствуйтесь!

Я ОДЕССИТКА! 45 лет прожила в Одессе. Сегодня живу в США в городе Филадельфия (где НАШИХ очень мало). В Одессе работала на ОСТП. В Филадельфии создала первое русскоязычное ТВ. Сегодня руководжу театром имени Соломона Михоэлса. Пишу книги (естественно, об Одессе), одна даже есть в библиотеке Президента Украины. С 1992 года являюсь членом Клуба одесситов, о чем свидетельствует мой членский билет. Несколько раз писала на сайт клуба и печатала там свои стихи, подписывалась А. Л. Прощу считать это письмо заявлением о вступлении в виртуальный Клуб одесситов.

Анна
la11720@Yahoo.com

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ БЕЛЫЕ ФЛАГИ

"В нашу прозу с ее безобразьем с октября забредает зима. Небеса опускаются наземь, точно занавеса бахромы", — хоть не об Одессе писал Борис Пастернак, а так похоже на Одессу.

Осенью и зимой город всегда выглядит иначе, чем весной и летом. На смену легкости, праздничности в городской пейзаж врывается унылость — голые деревья обнажают обшарпанные фасады, мокрые тротуары становятся небезопасными, особенно если покрываются тонким слоем льда. Мостовые всегда готовы окатить пешехода из луж, взметнувшихся вверх грязными брызгами из-под колес машин. Тоска.

В этой хоть и безрадостной, но привычной осенне-зимней картине появились новые штрихи. И эти мазки в городскую палитру внесла не природа, а то "Чудище обло озорно огромно стозевно и лаяй", которое навалилось на всех. Кризис...

В последние годы обычными стали меняющиеся вывески. Почти на каждом квартале на смену одним магазинам приходили другие магазины, офисы, парикмахерские, аптеки... Даже на своем квартале я наблюдала этот калейдоскоп. Но как-то в последние месяцы он крутится с лихорадочной скоростью. Вот на ближайшей улице увидела пустое место. Здесь же еще недавно был цветочный павильон! Не такой шикарный, как цветочные галереи на Преображенской или Александровском проспекте. Но всегда можно было выбрать цветы, букет, и по достаточно демократичным ценам. Ни букетов, ни цветов, ни самого павильона. Хоть стоявший рядом с ним (не цветочный!) сохранился.

А в наш зимний пейзаж, который скорее напоминает затянувшуюся осень, вторгся белый цвет. И это,

к сожалению, совсем не белизна снега. Тревожный цвет капитуляции перед наступившим кризисом. На витринных окнах, на дверях, на опущенных ролетах вывешены "белые флаги" — объявления: "Продам", "Сдам в аренду"...

И количество этих "белых флагов" говорит о наступлении тяжелых времен больше, чем напоминающие фронтовые сводки телеви-

зионные новости, всевозможные ток-шоу, где, забыв о достоинстве и чести, политики воюют друг с другом на виду всей страны. Кризис...

А на одном ток-шоу предлагают зрителям делиться опытом и секретом экономии. Все бы ничего, и предложение, может, заслужило бы внимания. Правда, я вспоминаю, как в самом начале кризиса на этом же ток-шоу известная дама, стиль-

ная красавица и умница, одна из ярких представительниц демократической России, предлагала свой рецепт экономии в условиях кризиса: "Посмотрите, от чего вы в этих условиях можете отказаться, — от новой норковой шубки, от зимней резины, если вы еще зиму можете на ней поехать".

Боюсь, что, по меньшей мере, половине зрителей этой популярной телевизионной программы вспомнилась старая поговорка: "У кого жемчуг мелкий, у кого суп негустой".

Так что секреты экономии у каждого свои.

Но когда в трамвае ты слышишь разговор двух женщин, вспоминающих ностальгически 23-й трамвай-

ный маршрут, то невольно оборачиваешься и вылетают слова: "Боже, как приятно увидеть и услышать в наше время одесситов, помнящих еще 23-й номер!". Тут же включают еще несколько человек: "А Первый номер трамвая?!", "Жалко, что такого разговора уже не услышит покойный Додик Макаревский, который знал не только все трамвайные маршруты, но на каждом из них все без исключения остановки..."

На Греческой несколько человек выходят из трамвая и по-одесски, словно старым знакомым, желают друг другу: "Всех благ!", "Будьте здоровы!". Настоящие одесситы. И этим все сказано. Надеюсь, что они протерпят и выстоят. Не вывесят белые флаги.

Фото Евгения Волокина

Реклама была всегда! Сохранились мраморные рельефы Древнего Рима с изображением тогдашних хирургических инструментов, большого уха, а то и врача, заглядывающего в глаза своего пациента. "Реклама" римских эскулапов.

Не только из сказок Андерсена, но и по миниатюрам, по витражам, по каменным рельефам мы живо представляем себе рекламу Средневековья — сапог, ножницы, булка и многое другое вело к нужной лавке или мастерской.

Столетие пролетело, но по-прежнему в стихах Александра Блока "вдали, над пылью переулочной, над скукой загородных дач чуть золотится крендель булочной..."

Анна Ахматова в одной из "Северных элегий" вспоминает Петербург своей юности:

*Везде танцклассы,
вывески менял,
А рядом: "Henriette",
"Basile", "Andre"
И пышные гроба:
"Шумилов-старший".*

Потом на смену этим Анриетт, Базилу и Андре пришли "Нигде кроме, как в Моссельпроме" и "Пролетарка, пролетарий, посетите планетарий!".

А потом и уж совсем бесхитростные "В сберкассе деньги накопил — путевку на курорт купил!" и призыв: "Летайте самолетами Аэрофлота!" —

и никаких тебе "Люфтганзы" и "Бри-тиш эйрвейс".

Что еще можно было прочесть в недавние времена? "Ушла на базу". "Билетов нет" — на поезд, в кино, в театр, и "Мест в ресторане нет". Да чего ни хватить — всего нет!

И над всем этим реалю "Экономика должна быть экономной". Остроумцы, закалившиеся в борьбе с вечным "нет", отсекали последнее слово, получалось грустное "Экономика должна быть..."

Но "пришли другие времена, вошли другие имена". Рекламы стало много. Очень много! На ТВ, в газетах, журналах, на транспорте, на билбордах — далее везде!

Как и положено рекламе, она бы-

вает настырной, назойливой, кричащей, иногда опасной (если падает вам на голову), не всегда достоверной и привлекательной, бывает экзотической, откровенной, подчас чересчур, но, увы, очень редко бывает остроумной. И это в Одессе...

Хоть все-таки удачные находки, даже исчезнувшие (я, во всяком случае, их больше не встречаю), запомнились. Вот хоть та, у вокзала, про земной шар, который — только часть Суши, остальное — Сакэ!

Или билборды с надписью на белом фоне — "Отдохни от рекламы!". Кто же нам, думалось, предлагает эту счастливую передышку? Мелкими буквами, почти незаметными, в верхнем углу был помещен логотип фирмы "Векка".

Подустав от дорогой рекламы, я с удовольствием нахожу самодельные надписи, в которых вижу, что ручеек одесского юмора не иссяк окончательно.

Вот хоть эта, мелом на куске жести, на одном из одесских базаров: "Не приставайте к продавцу! За вопрос, где туалет, — 3 гривны. За вопрос, где купить и как пройти, — 10 гривен. За сложный вопрос — 50 гривен. За поговорить — 100 гривен!"

А тут, к несчастью, подвалили финансовые встряски, и реклама тоже "встряхнулась". На магазине готовой одежды появился призыв: "Встретим мировой кризис в новом костюме!".

Я никогда не покупаю карточки для мобильного телефона в магазинах, а только на уличных перекрестках. В магазинах, в офисах мобильной связи с кондиционерами, с сервисом комфортно и продавцам, и клиентам.

Но я всегда беру эти карточки у мальчиков, у девочек, у женщин, сидящих под зонтиками в летнюю жару, под дождем и снегом — осенью и зимой, потому что кто-то мне сказал, что их зарплата — от выручки, они "сидят на проценте". Может, это блажь с моей стороны, но пусть и моя ничтожная доля процента попадет в их, думаю, тощий кошелек.

Сколько пресловутых "рабочих мест" появилось в Одессе! Причем не стараниями государства, которое как раз, по моему, лишило многих привычной профессиональной работы и вышвырнуло людей на базары, а то и просто на улицы, а стараниями самих людей, которые, как та лягушка в крынке со сметаной... Стали привычными на улицах города, в супермаркетах юноши и девушки — распространители флаеров, рекламных листовок, сообщающих об акциях, о скидках, о новых способах похудеть, предлагающих путешествия в экзотические страны, сулящих невиданные и не-

слыханные соблазны. И хоть чаще всего вся эта печатная продукция летит в ближайшую урну, а то и мимо нее, но если она издается, если она распространяется, есть в ней какой-то смысл и для ее заказчиков, и для этих молоденьких распространителей. И какие-то деньги они получают за свое стояние и хождение по улицам!

А еще обращаешь внимание на женщин, одиноко сидящих с маленькими букетиками домашних цветов на каком-нибудь углу людной улицы, — не путать с профессиональными цветочницами на трамвайной остановке у Соборной

площади! Хоть и тем нелегко, и у тех это способ заработать.

А музыканты — и тоненькая девочка с флейтой, и мальчик-скрипач с открытым футляром для сбора "гонорара" на асфальте, и виртуоз, игравший на куске арматуры, что-то я давно его не вижу и не слышу на Греческой площади...

На днях на Привозе молочный корпус был оглашен торжественной медью духового оркестра. Обходя все ряды корпуса, шествовал одесский "надежды маленький оркестрик" — немолодые музыканты, впереди шел их собрат с раскрытым чемоданчиком, в который сердобольные поку-

патели и продавцы бросали кто сколько мог. Потом я этот оркестр услышала за пределами молочного корпуса. На Привозе стало веселее!

А недавно наши приятели, бывшие одесситы, приехавшие из Москвы, рассказали такой эпизод. Они возвращались с Ланжерона в свою одесскую квартиру, и у арки стоял типичный одесский дядька, каких уже почти не осталось в Одессе, и нярявил на аккордеоне какую-то одесскую мелодию. Они заулыбались, а музыкант, тоже улыбнувшись, сказал: "Я улыбки не кушаю. Я кушать хочу!". Кушать хотят все...

Кое-где любят "покрепче", а в Одессе всегда любили — "послаще". Нет, "крепкое" и "острое" и у нас всегда было в чести, но все же предпочтение отдавалось сладкому.

Конечно, теперь не увидишь на подоконниках бутылки с обвязанными марлей горлышками — вишнева! Но компоты, варенья, перетертая на зиму смородина с крыжовником и сейчас не сдают своих, пусть и поколебленных позиций. Одесситки всегда были озабочены витаминами и "не брали в голову" хо-лестерин!

Фаршированная рыба, как была, так и осталась одесским брэндом, но

не менее популярными когда-то были мясо с черносливом в кисло-сладком соусе и рыба, особенно славился карп, в таком же золотисто-красном соусе, сладость которого оттенялась лавровым листом и зернышками черного перца. А одесский цимес, который готовили одесские хозяйки! Теперь, кажется, только слово как знак восхищения осталось...

Что уж говорить о знаменитом одесском "на сладкое" — штрудели, вертуты, тающие во рту пирожки и "наполеон", без которого не обходилось ни одно семейное торжество, к тому же в каждом доме были еще и свои фирменные торты. Этот

торжествующий взгляд хозяйки в конце пиршества — удалось!

В самые тяжелые времена Одесса не могла отказаться от "сладкого" — был ли это в голодные годы "малай", выпеченный из кукурузной муки, или пироги, появившиеся, как чудо, из одесского "чуда", формы для выпечки на примусах. Примус — великий спаситель одесских хозяек. Еще газовые и электрические духовки были редкостью, о грилях и микроволновках слыхом не слыхивали, а на примусах творилось подлинное волшебство и слава одесской кухни...

...Как-то мы поехали к морю, на

Дачу Ковалевского. С берега поднялись на уютную веранду кафе, нависающую над пляжем. Официантка принесла меню, на котором мы прочли название заведения — "Голь у моря". В фирменном стиле исползованы силуэты гоголевских персонажей. Подумалось, может, они так готовятся к приближающемуся 200-летию писателя. На наш вопрос девушка простодушно ответила: "Мы хотели назвать кафе "Голь-моголь", но такое уже есть в центре. Поэтому мы просто "Голь у моря".

Современные соблазны безграничны. Но нет-нет и мелькнут в на-

званиях ностальгические воспоминания: и о гоголе-моголе, и о компоте, и о других сладких радостях неизбалованного детства.

У нас не только заведения ресторанов и кафе могут таить в себе обещания "сладкой жизни", но и совершенно иные заведения. Идешь по улице, видишь вывеску "Сахар". Нет, не фирменный магазин сахарного завода, а оказывается, салон красоты. Заворачиваешь за угол, проходишь квартал — вывеска "Карамель". Тоже салон красоты! А неподалеку — свадебный салон "Мармелад".

Одесса таки действительно сладкий город!

Игорь ШКЛЯЕВ НАХОДКИ ИСТОРИКА

ЭПИЗОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ОДЕССЕ

С окончанием первой мировой войны и сломом гетманского режима во второй половине ноября — начале декабря 1918 г. Одесса оказалась в ситуации полного безвластия, когда городская Дума не имела возможности контролировать город. Со стороны станции Раздельная наступала крестьянская Черноморская армия Директории под командованием генерала Грекова, вооружались пробольшевицки настроенные рабочие одесских заводов, а на улицах господствовали уголовники. Дезорганизованные австрийские войска утратили контроль над городом и постепенно эвакуировались (командующий генерал фон Бельц при известии о поражении Германии застрелился в номере одесского "Пассажа").

Положение спасло решение Ясской конференции, по которому Юг России становился зоной влияния Франции и Великобритании. В Одессе 17-18 ноября прошло совещание "Русской делегации", на котором присутствовали французский вице-консул Эмиль Энно, генерал А.Н. Гришин-Алмазов, лидер партии кадетов П.Н. Милуков, известный одесский общественный

деятель М.В. Брайкевич и др. Здесь была выработана единая точка зрения по поводу ввода войск союзников в Россию, после чего делегаты выехали в Яссы. В этих сложных условиях генерал Гришин-Алмазов сумел организовать из бывших офицеров русской армии вполне боеспособный отряд в 1500 штыков со штабом на пароходе "Саратов".

Как обычно бывало в гражданскую войну, Одесса и на этот раз не защищалась. Вооруженные силы Директории в нашем регионе были довольно значительны. Командующий Черноморским фронтом генерал-майор А.П. Греков, обосновавшийся со своим штабом на станции Раздельная, имел более 10 тысяч штыков, около 50 артиллерийских орудий и бронепоезд. 10 декабря 1918 г. войска Директории торжественно вошли в город со стороны Большого Фонтана и железнодорожного вокзала. Правда, в отличие от Киева, где сразу началась резня противников Директории, террор против бывшего офицерства в Одессе устроить не удалось. Французский вице-консул Энно выдвинул требование к украинским войскам

о разделе сфер влияния. Часть Николаевского бульвара была оцеплена постами из состава польского отряда и французских экипажей, образовав "нейтральную зону", над которой был поднят французский флаг. Таким образом, в Одессе сложилась анекдотичная ситуация: городские улицы были перегорожены веревочной границей, вдоль которой с обеих сторон важно расхаживали часовые.

В этой "пограничной" ситуации решающую роль сыграл отряд генерала Гришина-Алмазова. Дело в том, что французский генерал Бориус, командир 156 пехотной дивизии, находившейся в транспортных на одесском рейде, опасался потери личного состава при высадке войск в порту. По словам Энно, пока в городе находились "петлюровские банды", данная операция была невозможна. Заручившись моральной поддержкой высадившегося французского десанта, отряд Гришина-Алмазова в десятичасовом уличном бою 17 декабря 1918 г. выбил из города воинские части Директории.

Снова на улицах Одессы происходили военные столкновения, лилась кровь, но население города отсиживалось в своих домах и не принимало участия в борьбе.

А.Н. Гришин-Алмазов (в центре) с членами своего штаба. Лето 1918 г.

Необходимо отметить, что офицерские отряды фронтовиков победили во много раз превосходящего противника, который, как оказалось, не способен воевать с профессионалами. В ходе боев, развернувшихся на городских улицах, отряд Добровольческой армии потерял 24 человека убитыми и около сотни ранеными. Причем войска Директории пытались обстреливать французские корабли артиллерийским огнем, надеясь

таким образом вызвать ответный обстрел мирного города.

Отступив из Одессы, части Директории без суда и следствия уничтожили более 30 пленных офицеров на станции Дачная, где их предварительно раздели на морозе, — и порубили шашками (в сентябре 1919 г. следственная группа денкинской комиссии по расследованию преступлений большевиков провела эксгумацию этого захоронения).

Александр БИРШТЕЙН ЧИТАЙТЕ ЭТУ «ПРАВДУ»!

Название этой газеты "Правда". Дата выхода 28 июля 1980 года. № 165 (22595). Над названием газеты, как и положено: — Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И цена имеется. Три копейки.

Всего три копейки... Так почему за этой газетой, появившейся утром 28 июля в парках на скамейках, в почтовых ящиках, в кафе и в транспорте в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове-на-Дону и в Одессе, гонялись, как наскипидаренные, все Гбшники, свободные от надзора за проходящими в Москве олимпийскими играми?

Почему даже упоминание об этой газете стало государственной тайной?

Хотите узнать? Тогда читайте дальше!

Вот передо мной эта газета. С виду и не отличишь. Но...

Чья это фотография рядом со статьей "Россия сломала бесов"? Полуобнаженный молодой мужчина с татуировкой — портретом Сталина на груди... Ба, да это же сам главный идеолог Кремля Михаил Суслов! Хорошенькое начало, да? А что в статье?

"Даже если вы уже знаете, стоит повторять каждый раз, что Советского Союза больше нет. Пришел конец огромной империи большевистской партии..."

...Суслов и компания не властвуют больше...

...создала Временное гражданское правительство и объявила об отделении РСФСР от СССР... Все остальные советские республики немедленно объявили себя автономными, каждая из них начала, наконец, поиск своего развития..."

Что это? Еще раз, какого года газета? Нет, все правильно — не 1991, а 1980-й...

Фантастика, правда? Но читаем далее.

Редакционная статья. "Навстречу выборам".

"Первые свободные выборы за

шестьдесят три года — одно из величайших событий в истории нашей Родины.

...Уже сейчас становится ясным, что самостоятельность и независимость ведут к очень большому разнообразию: если прибалтийские республики быстро и безболезненно вернулись на традиционный, европейский путь развития, то такие новорожденные государства, как Таджикистан, Киргизия...

...В Узбекистане исламскими силами противостоят... Национально-монархическая партия вполне светского толка, а в Казахстане намечается некое странное сочетание феодализма и представительной демократии...

...Молдавия готовится к плебисциту, который должен решить вопрос о ее воссоединении с Румынией...

...Державная Рада, которая будет избрана в начале следующего года, решит окончательно вопрос о будущем социально-политическом строе Украинского государства...

...Абхазский народ, как это становится ясным в последние дни, предпочитает отделиться от Грузии...

И опять: какого года газета? И опять: 28 июля 1980 года...

Как обычно спрашивают в Одессе: — Вам уже интересно?

Тогда читаем дальше. Предупреждаю: мы все еще на первой странице!

Статья, подписанная Михаилом Сусловым, "Почему ушли со сцены".

"...Шестьдесят три (года) мы шли вперед, подавляя все свободы и истребляя крестьян, эксплуатируя рабочих, угнетая другие народы от имени русского и заглушая тюрем-

ными стенами любой голос несогласия..."

"...Таким образом мы построили эту гигантскую машину управления, которая стала инструментом смерти и разрушения личности, чтобы оправдывать любой ценой марксистско-ленинские теории..."

Неслабо, правда? (На самом деле статью писал Савик Шустер, тогда только-только закончивший университет во Флоренции и работавший корреспондентом "Свободы" в Риме. Но т-сс. Об этом позднее.) На первой странице еще много интересного, например, статья "Оглянись в раскаянии" — извинение и соболезнование в связи с sorrowful годовщиной расстрела в Хатыни.

Но перейдем на следующую страницу. Поверьте, и там есть что почитать!

На второй странице обращает на себя внимание очерк Василия Бетакки "Логика самоопределения". Вот выдержки из этой работы.

"...Что же касается СССР, то это была империя нового типа — империя идеологическая: в основе имперской политики лежит идеология. Задача этой идеологии — оправдание и обоснование той ценности, которая является изначальной для коммунистов, — власти как таковой..."

...Существование советского тоталитаризма, интернационального по сути в высшей степени, ибо он нивелировал любую культуру..."

...Отказ от имперской роли куда лучше сохранит сложившиеся экономические и культурные связи, поставив их на добрососедскую основу..."

Третья страница отдана международным новостям. Тут, конечно, вести из Праги...

"...Гусак, Брежнев и Суслов улетели в джунгли Пол Пота. Советские войска кончили эвакуироваться из Чехословакии..."

...Новое правительство провозглашено в Праге, объявлены свободные выборы..."

Конечно, имеются новости. Из Польши:

"...Последние новости из Москвы вызвали переполох в варшавском политическом мире..."

Из Афганистана.

"...Советские танки возвращаются из Афганистана..." (С фотографией!)

О демобилизации 800000 солдат, служивших в ГДР, Чехословакии и Польше.

О предвыборной кампании в Восточном Берлине главы христианско-демократического объединения ФРГ Ф.И. Штрауса...

Интересные новости, правда? Но пошли и на четвертую страницу. А она отдана поэзии — стихи Натальи Горбаневской, Иосифа Бродского, Наума Коржавина и Василия Бетакки.

Имеются и новости культуры, сообщающие о выходе новых книг Булата Окуджавы, Владимира Войновича (Чонкин!), Георгия Владимова, Саши Соколова, Иосифа Бродского и многих-многих других.

Сообщение о том, что происходит на олимпийских играх, подготовил Владимир Максимов.

И конечно, очень важное сообщение о том, что в Россию начали возвращаться:

Александр Солженицын, Наталья Горбаневская, Владимир Максимов и многие другие.

Не обошлось и без программы передач телевидения. Из нее мы

узнали, что 28 июля 1980 года планировался показ спектакля Театра на Таганке "Мастер и Маргарита", выступление Александра Гинзбурга и третья серия художественного фильма "Коломбо"...

Хорошая газета! Не так ли?

Но откуда она взялась? Кто ее создал? Кто превратил жизнь гебья в неисякающую головную боль?

А сделали это всего несколько человек. Хотите подробней? Извольте!

Автором идеи этой газеты стал Винченцо Спараньо — издатель и главный редактор журнала "Злюка", итальянского аналога "Крокодила". Он приехал в Париж и поделился идеей с Владимиром Максимовым, редактором журнала "Континент". Тот отправил в Рим Василия Бетакки для осуществления этого проекта. Но еще до поездки в Рим Василий Бетакки и Артур Вернер почти полностью написали текст будущей газеты "Правда".

Кто же они такие — авторы этой газеты, упоминание о которой долгое время было под запретом? Уже после развала СССР о ней упомянул в своей передаче "Полвека в эфире" Иван Толстой.

Артур Вернер, уроженец Свердловска (ныне Екатеринбург), очень известный в мире фигурного катания как фотограф, работавший тогда журналистом радиостанции "Немецкая волна".

Василий Бетакки, поэт и переводчик, выдворенный "по собственному желанию" из Ленинграда в 1973 году, журналист радио "Свобода" и член редколлегии журнала "Континент".

О Савике Шустере я написал выше. Вскоре после олимпийских игр Савик Шустер, назначенный корреспондентом в Афганистан, раздавал газету солдатам и командирам Советской Армии.

Автор карикатур и фотомонтажей — сам Винченцо Спараньо.

Газета вышла тиражом в пять тысяч экземпляров. Переправляли ее в СССР моряки, спортсмены, болельщики, едущие на московскую олимпиаду.

Газета, тщательно изытая отовсюду работниками КГБ и их приспешниками, не наделала большого шума. Промолчали советские власти, ничего не сказали зарубежные радиостанции. Да и трагическая смерть Владимира Высоцкого занимала тогда умы, вытесняя даже олимпийские игры. Но газета была! И перечитывая ее сейчас, поражаюсь, сколь многое почувствовали, угадали ее авторы!

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ

Прошел год как перестало биться сердце Евгения Ильича Оленина. Срок не большой, чтобы осмыслить все сделанное им, и тем не менее, достаточный, чтобы сформулировать главное:

Оленин был талантливым архитектором, способнейшим организатором творческого процесса, человеком, влюбленным в Одессу, болеющим за судьбу Одессы. Уже всего этого было бы достаточно, чтобы его имя осталось в истории профессии, которой он себя посвятил, и города, над проблемами которого он многие годы работал. И все же осознаешь еще нечто, более сущностное: Евгений Оленин был художником, выводящим общество из спячки, раздражителем, заставлявшим профессионалов определять свою позицию по отношению к настоящему и будущему Одессы. Он был возмутителем спокойствия.

Могут даже назвать точку отсчета. Ломкой стереотипов мышления, попыткой вернуть Одессе ее былое величие Евгений Оленин начал заниматься тридцать (!) лет назад, в 1979 году, создавая проект "Пешеходная зона — Дерибасовская улица". Проект был выставлен, для того чтобы его увидели горожане, в Доме ученых, у него были противники и сторонники, но, главное, проект стал фактом не только культурной, но и общественной жизни Одессы, сформировал нового зрителя, уверенного, что и его точка зрения важна при решении задач градостроительства.

В 1979 году, когда Евгений Оленин громко заявил о себе в Одессе, ему было 35 лет. Он родился 23 сентября 1944 года в Смоленске. После войны его родители вернулись в родной город, в Одессу. Первое художественное образование Е. Оленин получил в Одесском ху-

дожественном училище, а завершил постижение профессии художника, архитектора, дизайнера, проектировщика в Ленинградской художественно-промышленной академии имени В. Мухомовой.

Как считал сам Е.И. Оленин, высоко оценивая результаты учебы, как в "Грековке", так и в "Мухе", огранку мастерства он получил, будучи постоянным участником семинаров Центральной студии экспериментального проектирования — "Сенежский семинар", которым руководил Евгений Розенблюм, и Международной мастерской дизайнера в Женье (Венгрия).

Любовь к Одессе, забота о будущем Одессы — стержень многих проектов Евгения Оленина. Но география его работ много шире. Все начиналось с проектирования центра молодежного туризма "Норус" в Эстонии, затем были реконструкция юрточного городка в столице Монголии Улан-Баторе, новая экспозиция в Политехническом музее и Музее Революции в Москве, художественное осмысление старого и нового в Коломне. Можно перечислять дальше — и проекты для Нью-Йорка, и для Крыма, но со временем осознаешь, что были два главных направления.

И первое из них — Одесса. После "Дерибасовской" (1979-1985 гг.) последовал проект Театра Филармонии в Городском саду (1985) и, наконец, "Проект Одессы" — проектная программа по реабилитации объектов исторического центра. Множество объектов (по сути, самостоятельных проектов) включала в себя эта программа. Это и "Круглый дом", и квартал в Красном переулке, и жилой квартал по улице Вице-адмирала Жукова. Что из того, что проекты эти не реализованы, несмотря на то, что

эстетически они много убедительнее построенного (к примеру, тот же "круглый дом"), весь объем проекта — толчок для размышлений и архитекторов, и предпринимателей, и власти.

И второе направление, постоянная тема работы архитектора Евгения Оленина — память о жертвах Холокоста.

С 1991 по 2001 год шла работа над проектом "Дорога смерти" — комплексом, начинающимся в сквере Хворостина и завершающимся в селе Богдановка, на месте уничтожения евреев Одессы и Бессарабии.

Логическим продолжением этого проекта стал документальный фильм "Исход", снятый Евгением Олениным о малоизвестных событиях Холокоста на Юге Украины.

Здесь нельзя не сказать, что Оленин был не только архитектором и художником, но и талантливым публицистом. Об этом свидетельствует и фильм "Исход", и несколько десятков его острых, взрывающих спокойствие статей, опубликованных в "Вечерней Одессе", во "Всемирных одесских новостях", на украинских сайтах "Телекритика", "Мы здесь...". Такие статьи, как "Художник и город", "В поисках утраченной Одессы", и сегодня, спустя годы, остаются злободневными.

А теперь о последнем проекте, над которым работал Евгений Оленин, — мемориалом в Бабыем Яру. К этому проекту были привлечены архитекторы многих стран, конкурс должен был выявить достойнейших. Увы, хоть было решение руководства Украины о проведении конкурса, но он и по сей день не завершен, не выявлены победители. А значит, не создается мемориал в Бабыем Яру. Как писал много лет назад Евгений Евтушенко: "Над Бабыем Яром памятника нет...". А ведь мечта уви-

деть его и была последней мечтой романтика и прагматика, философа и человека дела, художника и поэта Евгения Оленина.

Смерть Евгения Ильича Оленина вызвала немало добрых слов о нем в Одессе, в Киеве, Москве и Нью-Йорке. Кажется, наиболее емко и точно сказал о своем друге секретарь Союза архитекторов России академик Андрей Боков:

"Умер Евгений Оленин — художник и друг, мечтатель и общественный деятель, свободный в поступках и суждениях, скованный обстоятельствами и чувством долга.

Он учился в Питере, служил на Дальнем Востоке, работал в Таллине, Москве, на Сенеже и в Нью-Йорке, но его жизнь и судьба посвящены Одессе. Он выстроил Одессу своей мечты, связав ее прошлое и будущее с артистизмом, тонкостью, мастерством, страстью и любовью, на которую способны только жители особой страны и особого мира по имени Одесса. Он один из последних обитателей эпохи — Одессы XX века, бывшей состоянием души ее создателя и хранителя, без которого этот мир уже не будет прежним.

Он ушел, как уходят из жизни великие праведники, ушел на бегу, забыв остановиться, не доделав и не досказав многого из того, что собирался сделать и сказать".

Нам остались его статьи, его фильм и, главное, проекты. Они и сегодня живые, будоражат воображение, вызывают потребность в диалоге, возмущают спокойствие тех, кто хотел бы отсидеться в тиши без политических, эстетических и этических бурь. Выставка проектов Евгения Оленина — это не демонстрация наследия, это участие мастера в живом творческом процессе наших дней.

АМАЗОНКА АВАНГАРДА

У меня на стене под стеклом висит эскиз балетного костюма знаменитой танцовщицы Эльзы Крюгер. Когда-то этот эскиз принадлежал известному одесскому коллекционеру Стратонову, собиравшему книги по искусству, картины, и никак не позволившему себе упустить эскиз Александры Экстер, которая вырвалась из захваченного красными Киева в еще "белую" Одессу. Здесь художница открыла свою студию. Она много работала с Эльзой Крюгер, разрабатывая не только образы костюмов, но и образы, пластику танца.

Стратонов в старости распродал, дарил свои сокровища. Этот лист он подарил режиссеру и писателю Илье Рудяку, который возглавлял школу киноактера. Давно это было. Сейчас Илья живет в Чикаго, держит книжный магазин, издает раритетные книги и пишет юмористические рассказы, чаще всего "за Одессу".

А потом еще одно перемещение: Рудяк, восхищенный сценографией Виолетты Бабыниной, а они вместе ставили "Трактир" Э. Багрицкого, дарит ей жемчужину своего собрания. И оставалась бы работа Александры Экстер в общезначимости театральных работников на улице Якира, если бы волна еврейской эмиграции не подхватила бы Виолетту. Тогда вывозить живопись и графику было еще труднее, чем сегодня. И Виолетта Бабынина подарила мне эскиз костюма Крюгер, чтобы созданное в Одессе в Одессе и сохранилось.

Вот уже лет пятнадцать появилась во всем мире новая волна интереса к российскому авангарду, особенно к художницам, которые определяли его направления, — это Удальцова, Гончарова, Попова, и прежде всего, — Экстер.

Александра Александровна Экстер (Григорович) вошла в русское искусство как художник Камерного театра, создавая костюмы для Али-

сы Коонен, сотрудничая с Александром Таировым. Но это произойдет в десятилетия — начале двадцатых годов.

А девочка, родившаяся в богатой семье мелкого чиновника в Белостоке в 1884 году, еще в начале XX века попала в Париж и на всю жизнь заболела кубизмом, декоративизмом, новой живописью, которую она увидела в мастерских Пикассо, Матисса, Дерена...

"Париж пробуждал жажду быть современным во что бы то ни стало, — писал в исследовании об А. Экстер Я. Тугендхольд. — Именно это стремление к современности, к воплощению в искусстве наших вкусов, наше мироощущение и является главным нервом творчества Экстер"...

Что поняла, что приняла молодая провинциалка в Париже? Она ощутила себя аристократкой духа. И на своей мастерской, как и Пикассо, могла бы вывесить табличку — "Место встречи поэтов". Этот аристократизм пронесла в своем творчестве художница всю первую половину XX века.

Вернувшись в Киев, она открыла свою школу, куда ученики приходили смотреть, как работает Мастер, музыканты слушали поэтов, а все вместе они писали стихи, оформляли спектакли и улицы, не только рисовали костюмы к балетам, но и ставили новые произведения. Голлод — не тетя, но искусство заставляет забыть и о голоде.

В Киеве учениками Александры Экстер были А. Тышлер, И. Рабинович, К. Редько, Л. Козинцева, ставшие впоследствии яркими талантливыми художниками. И каждый из них вспоминал Александру Александровну, И. Эренбурга, О. Мандельштама — круг этой школы, ее педагогов.

А потом — Одесса. Умер муж — адвокат Н.Е. Экстер. В Киеве беспрерывная чехарда властей. В середине декабря 1918 года город

буквально пустеет. Еще недавно в Одессу уходит один поезд, в эти дни 3-4 поезда, везут на юг, к еще свободному морю, интеллигенцию.

И вот уже в феврале 1919 года "Одесский листок" сообщает о лекции А. Экстер в студии Ю. Бершадского, а потом заметки о совместной работе Экстер и Крюгер, о танцевальных вечерах.

Эльза Крюгер была не просто эстрадной танцовщицей, она была авангардисткой по духу, дружила с Н. Гончаровой и М. Ларионовым, сотрудничала с Экстер лишь укрепляло ее художественные привязанности, выкристаллизовало вкус. Как, кстати, и для Экстер, человека очень сложного по характеру (ею восхищался В. Мейерхольд, но не работал с ней, ею восхищался С. Дягилев, но предпочитал с ней дружить, а работать с Н. Табо и А. Певзнером и т. д. и т. п.), которая всегда ощущала себя Мастером, а не простой исполнительницей чужих идей.

А в случае с Крюгер творческая связь удалась. Они были равно образованы, талантливы. В Одессе Э. Крюгер готовила с режиссером К. Миклашевским на музыку Р. Штрауса "Саломею" О. Уайльда.

Проект оказался интересным для А. Экстер. Увы, приход красных не дал реализоваться замыслу, но студию в Одессе Экстер успела открыть.

Нужно добавить, что Александру Экстер привлекали к оформлению праздника 1 Мая. И даже в эмиграции художница неоднократно вспоминала о гигантских панно, выполненных по ее эскизам, рассказывала о них своим ученикам. Рассказывала и надеялась одновременно, что все это сгорит в огне революции, чтобы не остались в ее наследии постыдные, по ее мнению, следы.

Нужно ли объяснять, что вскоре А.А. Экстер покинула Одессу, вернулась в Киев, переехала в Москву,

а затем эмигрировала. Но в Одессе оставались ее ученики, бережно, как видим, хранившие эскизы ее костюмов. Да и культурный оазис, где преподавали приглашенные ею Ф. Гоциассон и В. Бабаджан, определяет на года уровень театра, живописи в нашем городе.

Безусловно, следовало бы посвятить не один абзац тому, как работала Экстер с Таировым и Коонен, какой сенсацией были постановки в Камерном театре. Но судьба звала Александру Экстер вновь в Париж, в русскую художественную колонию, которая во многом определяла звучание парижской ноты.

Лет двадцать назад в Одессе состоялась выставка эскизов Александры Экстер. Были блестящие работы, которые могли бы украсить любой музей — от Украины до США. И мне приятно было, что в этом замесе краски не затерялся эскиз костюма для Эльзы Крюгер из моей коллекции — маленький штрих, свидетельствовавший о пребывании А. Экстер в Одессе.

Я рассказывал о художнице, чья жизнь была бурной в ее первый период, очень спокойной и уравновешенной во второй, я бы сказал, французский период. Но по сути, не пытался объяснить читателю, в чем была мощь и сила Александры Экстер. Только ли в глубоком знании классической культуры? Нет, конечно, двадцатый век знал многих энциклопедически образованных людей. Только ли в продуманном скачке от импрессионизма к кубизму, а затем к беспредметничеству? Нет, такой путь прошли многие мастера, кстати, многие из них были выходцами из царской России, Противодействие рождало силу. Но, может, Александра Экстер привлекала к себе как женщина-творец? И тут, я уже упоминал, она была не одинока... И дружила с другими амазонками искусства, к примеру, Верой Мухиной, не только автором "Рабочего и колхозницы", но и создательницей прекрасных портретов из бронзы и стекла.

Так что же? Неужели загадка не имеет ответа? Имеет. Еще на первых выставках, где участвовала Александра Экстер, а это "Стефанос" в 1909 году в Киеве, Салоны Издбского в Одессе, чуткая критика приметила музыкальность ее цвета, музыкальность ее ритмов, настолько сильную, что, казалось, сбывается мечта русского композитора А. Скрябина о синтезе слова, звука, цвета.

Последняя работа А. Экстер в России — "Ромео и Джульетта" с А. Таировым. Сцену постановка не увидела. Почему? Таиров не считал их работу провалом, но признавал (правда, сквозь зубы), что он не дотянул режиссерское решение до уровня костюмов, эскизов декораций А. Экстер. Может быть, именно тогда Александра Александровна окончательно решила уехать в Париж...

Кстати, Камерный театр ездил с гастролями во Францию. И Таиров, и Алиса Коонен знали, каким уважением в среде французской богемы пользуется Экстер. Но в гастрольный репертуар они включили только новые спектакли, не показав парижской публике шедевры Александры Экстер, "Фамиру Кифареда" по Иннокентию Анненскому или "Саломею" по Оскару Уайльду.

Но распри, сложности личных отношений — это все осталось в прошлом, за скобками истории. А в настоящем сохранился образ замечательной художницы и ее жизнерадостное, мажорное искусство. Ею восхищался Борис Пастернак, ей посвящала стихи Анна Ахматова.

Разве всего этого недостаточно, чтобы понять, как повезло Одессе, что именно тут Александра Экстер учила молодых художников, создавала эстрадно-балетный театр, дышала воздухом Одессы — воздухом свободы. Хотелось бы, чтобы Союз театральных деятелей обратился в горисполком с предложением увековечить память А.А. Экстер мемориальной доской.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Александр РОЙТБУРД ПАМЯТИ КНЯЗЕВА

Сережа Князев. Мы познакомились тридцать лет назад. Я поступил на худграф одесского пединститута. Мне еще не было восемнадцати, ему — "за двадцать один". Он казался мне очень взрослым. Таким, наверное, был молодой Леже. Тип художника-мастерового. Маленький, плотный, широколицый. Кепка, очки. Его опекал Ацманчук. Он бывал у Хруща. Ему покровительствовал коллекционер Феликс Кохрихт. От этих имен голова шла кругом. От Ацманчука — сезаннизм и кубизм. Князев и кубизм. Он создал свой, очень авторский кубистический синтаксис. Кстати, само его лицо, казалось, было создано для кубистического портрета — четкая конструкция, крупные лаконичные объемы и массы. А когда Князев отпустил бороду, то стал поразительно похож на пикассовский портрет Воллара. На первом курсе чуть ли не первая постановка — геометрический натюрморт. Куб. Шар. Пирамида. Все выдрачивали отмывки. Князев за два часа написал с натуры кубистический натюрморт. Я захотел ему подражать. Через год он сказал: "Я ушел от кубизма. Но конструкция осталась внутри". Был образован энциклопедически. О том, что я хотел узнать, он знал, казалось, все. Французов, от импрессионистов до Пикассо, — как своих корешей. Мемуары Воллара наизусть цитировал. Русский Серебряный век и авангард. Нонконформизм. Современная проза и поэзия. Я брал все это от Князева и смотрел на все это его глазами.

Он переформатировал мое мышление. Рассказал мне, что читать. Слушать. Смотреть. Любить. Он простроил во мне ту сетку восприятия и оценок, которая с поправками работает по сей день. Я доверял ему безоговорочно. Феликс Кохрихт недавно сравнил Князева с Пушкиным. Князев, как и Пушкин, — европеец. При этом ни тот, ни другой ни разу не пересекли границ Империи... Найдутся ли стихи, которые он писал в институте? Помню отрывочное одно: "...я подхожу к холсту, преодолев мандраж"... И про холст: "...он был мешком. Не знал он, что на свете есть кубизм"... В этих стихах было чисто кубистское ощущение фактуры и конструкции. Еще одно сохранилось у меня в альбоме, его рукой записанное: "Растяжимые истины сжаты в губах перелетных"... Там еще была такая строка: "Растяжимые истины сжаты в губах перелетных"... Я прочел его Сереже. Месяца два назад. Оказалось, он о нем забыл. Удивился: "Как ты все это помнишь?". ...Рассказывал, что прадедом его был известный одесский заводчик Линквист (канатный завод Линквиста, впоследствии — завод им. Дзержинского, ныне — "Стальканат"). А еще одним прадедом — атаман Антонов. Когда Сережа лет десяти от роду с отцом приехал на Тамбовщину, седобородые старики снимали перед ними картузы, крестились и кланялись в пояс. ...Многое из невзначай сказанного им впоследствии сработало, как установка Кашпирикова: — А вот Шопин сказал: "Хочешь

написать трагедию, а не можешь нарисовать руку. И хорошо, если из того, что ты не можешь ее нарисовать, получится трагедия. А если выйдет просто плохая рука?"... — А вот Сезанн говорил, что художник — это темперамент живописца (многие думают, что это и есть талант), собственная концепция мира (чего, кстати, большинство и не хватает) и способность к реализации — ну, это тот самый профессионализм... — А вот Матисс считал, что истинное значение художника определяется числом знаков. Введенных им в искусство... — А вот Мока Морозов говорит, что художник — это то, что он делает от тридцати до сорока. До тридцати — ничего зрелого, после сорока — ничего нового. Так что надо успеть... Князев успел меньше, чем мог бы. Романтическая история, юношеская травма, уход из института, армия, халтуры, женитьба, дети, бедность, необходимость прокормить большую семью. Увы, он как-то прошел мимо большого искусства. Куда ему была прямая дорога. Все эти годы мы общались урывками, иногда не виделись по нескольку лет. А года два назад встретились — и уже не расставались. Было радостно — Князев начал возвращаться. Казалось, он и не выпадал из тренда. Передо мной был человек, свободно ориентирующийся в современной культуре, философии, литературе, искусстве. В актуальной проблематике и модных фишках. Я думаю, его вытаскил Интернет. У него было несколько ЖЖ-блогов, самый популярный — m0desta

Фото Василия Рябенко

("чужие картинки"). Если кто-то в курсе, что это такое, он за год стал "тысячником". Это Князев убедил меня завести свой ЖЖ. Он был глубоко верующим человеком. В его вере искренность сочеталась с открытостью и свободой разума. Ни тени неопитского фанатизма. Он говорил: "Я продвинутый православный". Весь 2008-й год мы провели едва ли не самыми близкими друзьями. Дружба с тридцатилетней паузой. Точнее, с тридцатилетним стэнд-баем. Приезжая в Одессу, я сразу же звонил ему. Мы каждые два-три дня встречались, бродили по городу, пили вино, часами болтали взахлеб. За год он написал шесть текстов обо мне, и я был приятно поражен. Изысканность стиля, плотностью коннотаций, тонкостью анализа.

Жанна КИСЕЛЕВА

я никогда не рассказывала эту историю тут, хотя все мои друзья знают о ней

какой-то там весной в период междумужчинья мы познакомились в жж я была свободна написала пост про какой-то свой личностный апокалипсис а ему стало жалко меня, и он позвал посмотреть фотографии в "выходе" сказал, что старый, толстый и лысый пошутил я посмеялась, сказала, что это мой типаж, и мы договорились о времени судя по сленгу, на котором он мне писал, я решила, что это будет мальчик-архитектор 1-3 курс, я, кажется, тогда была на третьем он зафрендил всех моих друзей из ленты и постил одновременно в 2 журнала.

я стояла на тротуаре в юбке, майке сиськинаружу на метровых каблучках, и это было время зеленых гигантских бус-горошин на улице никого не было, через 5 минут ожиданий открылась дверь "выхода", и оттуда вышел небольшого роста мужчина с густой бородой, лысинкой и пивным животиком на вид ему было лет... не знаю, сколько он был похож на профессора из советского союза или старика-хоттабыча-совсем-наоборот он брюнет я испугалась мои мысли со скоростью света плодились в моей голове и спотыкались друг о друга "извращенец. черт. там же куча знакомых. а хотя нет. никто и не подумает ничего, он скорее похож на моего учителя, дядю или художника, чем на жениха=ухажера. надо поскорее свалить"

я сказала, что у меня мало времени, выпить текилы отказалась, и мы пошли сразу в зал с выставкой там никого не было, и можно было поговорить он рассказывал, что занимается продажей живописи, что он художник, что в жизни я красивее, чем на фотографиях, что фотографии тут отвратительные, а у меня такие живые, как я отлично склеиваю кадры, и почему я грустила тогда в жж, и что-то еще, но половину я прослушала — я думала, как бы не обидеть его и уйти я ожидала увидеть мальчика, а получила :) ухаха он был одет просто, недорого, и из-за жары коричневая рубашка почти прилипла к нему подмышкой у него был небольшой черный пакетик, эта деталь его гардероба меня убила наповал он был забавный, необычный очень переживал и нервничал, там было жарко, возможно, его речь была сбивчивой, и увидела, как по его виску потекла нервная капля пота, он судорожно пытался меня уговорить не убежать, а хотя бы посидеть с ним, я упиралась, хотя куда не спешила... я тогда не умела еще расслабиться и получить удовольствие от всего, что происходит мне было не по себе там плохо пахло, и воздух был весь нервный мы поднимались по крутой лестнице вверх к выходу из "выхода", он шел впереди по лестнице там было темно он остановился, развернулся, я испугалась, он протянул мне пакетик со словами — ой, я забыл. подумал, что с цветами приходит банально, и хотел подарить тебе бусы, ты везде на фотографиях в этих зеленых, а я думал оранжевые подарить или фиолетовые, тебе было бы хорошо, но

не знал, где такие купить, — и купил тебе кино. вот держи в пакетике был диск "москва" я приняла подарок, сначала обрадовалась и потом напряглась еще больше ни один из всех моих кавалеров не дарил мне подарки в первую встречу в том фильме они трахались через дырочку в огромной карте вместо простыни, потому что он был еврей, и дырочка была на месте города москвы...) красивый фильм, каждый кадр — идеальная фотография

он решил провести меня до маршрутки, мы шли по городу, было еще светло — день, и меня наконец опустели паника... он оказался интересным и обаятельным сложным и очень простым одновременно нервно ушла и полилось мы говорили про жежистов, кто есть кто и кого я знаю, про институт, живопись и мозаику, про учебу, про сеть и про цены и систему, и всякие другие штуки — Одесса — город маленький, связи среди художников тебе не помешают я удивилась, такой молодец — за пару месяцев освоил комп, освоил жж, и даже умеет писать смс а даже мои родители не умеют :)

мы стали общаться, ходить на выставки вместе и в "гоголь" он учил меня забыть и расслабиться в сессию, когда кажется, конец света — завтра учил не спешить, плыть я научила его пользоваться квидом, он был в шоке но ему не пошло, он не оброс там сотнями друзей, как в жж... он критиковал моих временных однодневных ухажеров, он говорил мне что интерьеры — это мелочевка, что мой цех — тоже фигня, знакомили меня с архитекторами, кото-

рые, блять, калечат наш город, строят склоны и дома-убища он знакомил меня с другом художником, я учила их пользоваться вайфваем мы гордились знакомством друг с другом потом была юля ("так хорошо пишет, будет толк из нее, она из москвы, журналистка") и лора ("ну смотри. сама с ней познакомишься. она красивая, недоступная и... утонченная"), это он связал нас я знакомила его с подругами, когда мы пересекались в городе. они удивлялись, и я рассказывала им смешную историю нашего знакомства

"если б он был младше лет на 20-30, это был бы пилец он такой интересный. необычный. почему мужики не все такие?" — говорила мне лена

а однажды он мне позвонил и просил моего парикмахера — постричь бороду, я пищала от восторга — как у лимонава хочешь? она может всякое неформальное, просто подстричь — ей неинтересно, давай!!! и покрасить можем :) — эээ. ну я подумаю — СЕЕЕЕерееежжжж, ну пожалуй-ста, давай! — все. отбой. я подумаю :)

потом мы редко виделись, я мало звонила, чтоб просто узнать "как ты?" "приходи на мою выставку" "может, сходим вместе?" на выставку вместо Сережи пришел его сын Паша, сказал, что папа плохо себя чувствует, и постеснялся молодежной тусовки, а я обиделась — подумала, что времени не нашел он писал в жж почти всегда ночью под утро, он постил чужие картинки, на вопрос "почему не спишь" говорил, что охраняет свою семью, а может, он был болен и не мог спать ночью, может, ему было больно?!

Точностью попаданий. В нем открылся талант блестящего эссеиста. Он писал рецензии и статьи о художниках, в основном, заказные, но природная глубина мышления, культура и эрудиция превращали почти каждый текст в маленький шедевр. После долгого перерыва он опять занялся живописью. Прежняя форма возвращалась не сразу. Летом мы с ним съездили в Гурзуф. Пленер в военном санатории. Знакомство с киевскими художниками. С Тистолом, Маценко, Будниковым, Владой Ралко. С искусствоведом Лесей Абраменко. Его приняли как своего. Он радовался, как ребенок. Потом была мастерская на Льва Толстого и последние работы, в которых начало появляться новое качество. Последняя картина — "Клоуны". Сережин сын Паша сказал: "Папа считал ее незаконченной". Я не согласен. Считаю ее очень удачной вещью. Личным прорывом. В декабре, в мой последний приезд в Одессу, он говорил, что хочет заказать много больших подрамников. Были планы серьезного живописного проекта... В среду 28 января я позвонил ему, позвал в Киев на открытие моей выставки. Где в каталоге было опубликовано его эссе о Пушкине. Он сказал, что в больнице, но уже все нормально. Камень вышел. Говорили минут сорок. Шутили. Договорились через недельку расписать бутылку красного сухого. В воскресенье 1 февраля он ушел. Все-таки он умер на взлете. **Р. С. 3 февраля я позвонил в Нью-Йорк своему отцу. Сказал, что умер Сережа Князев. Папа какое-то время молчал. А потом медленно произнес: Настоящий. Русский. Интеллигент.**

18 февраля 2009 г.
Киев

он никогда не говорил об этом.

однажды он сказал, что у него сложный период — он стал писать живопись снова, и это вопрос самооценки, и с ней у него плохо, а я тогда сказала ему — ты крутой, и у тебя все получится, мне показалось, что он поверил

потом у меня появился мой врач а он говорил, что он целуется как стоматолог, периодически спрашивал, все ли мы вместе, "что так долго-то?" и улыбался я пожимала плечами со счастливой улыбкой

когда я ныла, он говорил мне "какое счастье — вся эта любовная боль" и он был прав

он говорил мне про то, зачем мы, женщины, меркантильны — это материнский инстинкт — выбрать сильного красивого самца, чтоб он защитил, чтоб наши дети были красивы, умны и защищены мужчине в этом плане так фильтровать не приходится он просто влюбляется он может позволить себе просто влюбиться он говорил, что мужчины более тонкокожи, чуткие по натуре, им сложнее переносить любовные разрывы, они страдают больше и он был прав

он научил меня многому

а теперь его нет и я уже не реву я мирюсь я знаю — ему там светло и тепло, потому что он был невероятным

мой друг Сергей Князев

Сергей КНЯЗЕВ

СТАС ЖАЛОБНЮК: ПРОСТРАНСТВО АМАЛЬГАМЫ

"Убейте моих демонов —
и мои ангелы умрут".
Марин Хайдеггер

...Ты же знаешь, мы с тобой вечные, мальчик. Там, где зима и зима ствол в ствол, зеркало в зеркало распахнет ледяные коридоры, черные, головокружительные, там и есть наш тихий омут, наш бескрайний дом. Дети не выманят нас оттуда наивной ворожкой, не спугнут нитями, не вычешут гребнями. Там я жду, раскрыв длинные руки, чтобы положить тебя голым камнем на горячий живот. Там я жду, пока ты ищешь меня в каждой. Намечтай себе, пока это можно, тонкий язык и гибкое горло.

какое-то колыханье внутри грудной клетки
море волнуется раз
то ли вчерашнее то ли нечто большее
как привести внутреннее и внешнее в состояние подобия?

беспокойство какое-то, переживания, даже озноб! — сердце в мурашках

стоял ноябрь уж у двора
я пожалуй люблю жить в тихой и светлой (и мягкой и теплой) печали листопад, шопен, что-то такое изредка позволительны конечно приступы веселья, анекдоты, кривлянья, но концепции они не меняют, наоборот

осень — мой сезон! мое время!
мое счастье — цвета опавших листьев

и девушка на велосипеде под дождем с мокрым лицом улыбается красивой

я больной человек
еще немного и внутреннее с внешним придут в состояние подобия

Знаю, ты любишь, как пахнет асфальт, свежий, рассыпчатый, с дымком, — и мокрый рассветный; любишь ржавые ряды гаражей вдоль рельс, тополиные клейкие почки и пугающих бражников, бьющих поклоны перед дачной лампадой. Будто в каждом из них — душа, а на душе — тяжкий грех, искупить который может только смерть, только смерть. Любишь марлевый полог под яблоней, тяжелое от росы ватное одеяло, тянущую сладость внизу оттого, что видел меня во сне, без лица и без голоса, но узнал, не мог не узнать. Ты все еще там, лежишь, закинув за голову острые мальчишеские локти, и тебя еще зовут пить молоко, и звездное колесо еще поворачивается над тобой, задавая тон твоей неизъяснимой печали. Много раз повторится это беспокойное чувство нетяжелой утраты — так видишь утекающий песок в часах, воду в реке, прибывающую луну, секундную стрелку. Ты все еще лежишь там, а я тебя жду.

в детстве на слегка подсохший кусок хлеба намазываешь масло, сверху загустевший мед

и мажешь, мажешь, пока все не перемешается в сладкую масляную массу
и с чаем!

вот так же сейчас — сначала на нее наверно намазано много секса, а сверху густая нежность, или наоборот

да и неважно, что где, потому что тоже — размазываешь, размазываешь, и оно все перемешивается, перемешивается, и уже не отличить гладить от сжимать, лизать от всовывать, шептать от кусать, касаться от сминать, ром от кока-колы

Жду, пока ты открываешь новые страны, новые письма, новые кни-

ги, новые бутылки, получаешь дурные вести и заслуженные пощечины, разворачиваешь вкусно пахнущих женщин в хрустящих обертках, провожаешь облака, поезда, старый год под бой курантов, празднуешь рождения дочерей, одерживаешь победы, сдерживаешь слезы. Терпеливо жду, как ждет медленный полусонный коньяк в дубовой бочке, как ждет плененный джинн, как ждет тайфун в сердце океана. Я же знаю, мы вечные, мальчик, и где бы ты ни был, каждый твой шаг приближает тебя ко мне.

Все это не представляло для меня абсолютно никакого интереса. У меня внутри работали механизмы, настроенные на иные гармонии, скажем так. Хотя это и бред. Я человек очень необычный. Главная моя необычность в том, что я себя считаю крайне необычным человеком. Меня занимает такой вопрос — все ли люди считают себя такими же необычными? Если это так, то это, в сущности, трагедия для меня. В чем будет тогда моя уникальность? Быть может, в том, что несмотря на отсутствие оной, я, тем не менее, продолжаю считать себя уникальным? Интересно, подумал я тут, а много ли людей, которые, несмотря на осознание своей...

Твое лицо — напоминающее холодной ветреной зимой о гипнотическом качанье блаженных мальв, когда, как Ной, июльский вечер собирает всех тех, кому спастись дано, и в вены вспухшие вливает целебных сумерек вино. Они приходят; сняв сорочки, воды забвения испив, кладут бессмысленные строчки на незатейливый мотив. Их дети, повзрослев от зноя, степенно ходят по дворам, давно сухое, голубое бельё их гладит по щекам. А в кухнях запевают жены про тот сокрытый в чаще грот, где молодого Актеона нагая Артемидка ждет. Я глух к их песенным страданиям. Я у окна, как неживой. И о тебе напоминаю цветов темнеющих покой.

Сергей Четвертков

Жду, пока ты открываешь новые страны, новые письма, новые книги, новые бутылки, получаешь дурные вести и заслуженные пощечины, разворачиваешь вкусно пахнущих женщин в хрустящих обертках, провожаешь облака, поезда, старый год под бой курантов, празднуешь рождения дочерей, одерживаешь победы, сдерживаешь слезы. Терпеливо жду, как ждет медленный полусонный коньяк в дубовой бочке, как ждет плененный джинн, как ждет тайфун в сердце океана. Я же знаю, мы вечные, мальчик, и где бы ты ни был, каждый твой шаг приближает тебя ко мне.

"...но у меня не было причин для страха. в раскинушемся вокруг меня необъятном чужом городе, среди семи миллионов жителей, не было ни единого человека, который испытывал бы ко мне любовь. я был в полной безопасности".

Милорад Павич, "Третий аргумент"

о! или вот на дне рождения у знакомых видишь ты девушку, она сразу тебе нравится, потому что красивая, смеется, ну все такое. божемой в общем. а хозяйка вдруг подходит к тебе и спрашивает — а ты с мамой не знаком? ты говоришь — нет, познакомь. и она ведет тебя к маме эти пять несчастных метров, и пока ты их преодо-

леваешь, ты уже чего только не успел себе представить про вас с мамой — и оживленная беседа, и как вы друг другу нравитесь, и долго болтаете обо всем, выпиваете, и как вы уходите вместе и едете в такси, и уже прямо там, в такси, вы отводите рукой ее волосы и целуете куда то под ухо и шепчете на ухо то что и вправду думаете про нее и она вам отвечает как-нибудь, и вы лезете рукой ей под юбку и видите как шофер поправляет зеркало заднего вида. и дальше — секс, даже какой именно! и как! — мелькают картины в голове, хоть вы и гоните их подальше изо всех сил, — и дальше, как вы живете вместе, как едете в Париж в отпуск, и в тот самый ресторан в сен-жермен, за тот самый столик! и как потом, взявшись за руки

и тут хозяйка говорит — "маша, знакомься, это стас! стас — мама! она такая-то и такая-то, а стас, мама, это тот самый стас, который то то и то то" и примерно через две минуты становится ясно что ангел снова пролетел мимо и что обманчивое дуновение его крыльев — это все, что вам положено сегодня на ужин, друг мой. и вы, уже из другого угла комнаты, заметите невзначай эту скучную маму и ухмыльнетесь "идиот! болван наивный" и посмеетесь опять искренне и по-доброму над собой

но вот правда бывают еще такие случаи, когда в конце бывает совсем не до смеха. совсем.

Как будто с уголка расклеив обыденности письмецо, горячим сквозняком повеяв, чужая жизнь дохнет в лицо, и величайшим откровением перед тобой предстанет вдруг курсантов бедное веселье в глухом училищном саду. Наотмашь за стволы хватаясь, вытягивая на себя ландшафт, они, сближаясь-удаляясь, под звон проснувшихся цикад бегут, — как нимфы хохотливы; в игре искусны и в бою — на петли, узелки, извивы разматывают жизнь твою. На совесть сделанные торсы сотрутся в сумерках, гляди: пух с тополей кружится, вьется, сплетаясь в линии, пути — как если бы Творец всех судеб твою ладонь в свою бы взял и все, что было, есть и будет, тебе подробно рассказал.

Сергей Четвертков

Изолирую на холсте стул, я лишаю его всякой обыкновенности, и одновременно я лишаю весь холст характера обычного предмета (где он должен, по Уорхолу, абсолютно походить на стул). Этот тупик хорошо известен: искусство не может ни раствориться в повседневном (холст = стулу), ни овладеть повседневным в качестве такового (чтобы изолированный на холсте стул был равен реальному стулу). Имманентное и трансцендентное равно невозможны: это два аспекта одной и той же мечты".

Жан Бодрийяр

Маленькая мастерская в глубине двора, старая железная лестница, красивая музыка

вечер пятницы, все наверное пьют, веселятся и подмигивают друг другу где-нибудь а я тут один кукую как демон врубеля

Этим летом тонкая девушка в шелковом платье сорта "манда-рин" с кипящими смолой волосами идет, танцует, по Одессе, по своим

страшно веселым и не вполне законным делам. Из глубины кафе, сквозь витрину, они с картиной видят друг друга, и живопись попадает ей аккуратно между сосков и застревает, обмякнув, в целомудренной ладанке с кокнаром. Она принимает ее за лишний удар сердца, за поцелуй солнца, за полдень по часам, что показывают только прошедшее время. Так страшно и сладко не зная, когда твой собственный сюжет набросятся на тебя тухлым осьминогом, заговоренной фатой, чтобы души и направлять и бить на развилках о путевые камни.

Уступи мне свои глаза, любовь моя, уступи свои уши и кожу, и пальцы, на один день и одну ночь. Я хочу видеть себя, слышать и осязать, хочу разделить твой восторг, так никогда мне и не доступный. Что ты находишь во мне, где та нефть, то золото и та корица, где те ясноликие махаоны, крыльями разгоняющие любую печаль? Девушка с букетом воздушных печений тщится скрыться из виду, затеряться в толпе, но это же невозможно, покуда все оборачиваются ей вслед, пеня людской поток кильватерной струей. Ее формочки из песочного теста, ее роскошная пчелиная матка, едва угадывающаяся под платьем, — как бы мне увидеть все это твоими глазами, радость моя? Что чувствуешь ты, еженощно, преступно, одиночно и будто бы не по праву творя ей любовь? Почему ты плачешь, торя тропы в моем теле, мальчик-спальчик, не прихвативший в дорогу хлебных крошек?.. Она хохочет и стайкой разноцветных рыбок хватая его за узкие лодыжки и смешные полосатые трусы. Она ни слова не понимает на его языке; на его языке она может только таять, как розовый леденец, и намочать, как забытое мороженое.

Я знаю, она так прекрасна, что больно глазам, все встречные жалуются ей на это, но она не слушает жалоб, иначе упадет, стреноженная путами милосердия. Помаши ей рукой, моя радость, потому что владеть ею — все равно что сжимать в объятиях солнечный блик, клок тумана, аромат цветка.

гремит салют, собаки лают, соседи в домино играют и пляшут девочки в саду; а я сквозь это все иду, и ничего не понимаю, но ничего не забываю, и улыбаюсь в темноту

Сергей Четвертков

туча без остатка отдала себя крышам, машинам, зонтам, сиреневым баклажанам, матовым яблокам, дождевым червям и жестяному подоконнику

бессильно всхлипывая, ты представляешь, как подоконник отдаст всю тебя асфальту, и уж асфальт! асфальт-то уж не отдаст тебя никому

В этот момент она сказала:
— Ну что, пойдём?

И мы пошли, так и не сумев додумать мою мысль, которая еще некоторое время занимала нас в моем лице, наряду, не скрою, с небольшой, но тепленькой мыслью о женщине в розовом шарфе. Но скоро мне было уже не до них.

мне не догнать теееебя
мне не догнать тебя
мне никогда никогда
не догнать тебя

(Песня)

Все это немного неправильно.
божеймой божемой

Как же так может быть, что все это уже было? Даже то, во что скрутила ты ты ты мои внутренности, все эти пузырьки в голове и горячий иней на сердце — неужели так же в точности скручивало, пузырило и обмораживало их, тех кто впервые иступленно гладил руки старомодной и туманной?

Пока я покорна, пока тот зверек, что внутри, накормлен, ни опущенный взгляд, ни искусанный рот, ни обихженный звон тарелок не делают помешательство явным. Пока я с тобой, повсюду ты прав, справедливый. Но бойся оставаться безжалостным, сострадай моему безумию, ибо только безумная могла полюбить такого, как ты.

Я живу на изнанке, но знаю: пока я пишу и теряю рассудок, на той стороне проступает рисунок, и именно там я веду свой красивый, смертельный турнир. И если я верю в себя, то мой мир — волшебный фонарь изнутри. А если не верю, то кто же посмотрит снаружи? Ведь он не горит.

Неужели все это уже было? Все это уже умерло и умирало миллионы раз и значит это то, что сейчас во мне, умрет тоже?

Да что Модильяни! я даже в себе помню все это. И потому что я уже называл это все именами, придумывал красочные эпитеты и красивые аллегории, мне не хочется сейчас ничего придумывать, но как же тогда показать тебе все это, если руками и губами дотануться до тебя в данный момент нет физической блядь возможности. Приходится опять выдумывать какие-то пузыри, хотя выдумывать сейчас как раз легко, что угодно.

Не хочу трезветь.

Я люблю в ней все
Шею без единой морщинки.
Ключицы, неровно выпирающие из тела.

Жесткую косточку на сгибе локтя — как она называется?

Шрам от аппендицита.

То, как она закусывает нижнюю губу, невинно-кокетливо, соблазнительно до затмения мозга.

Ямочку пупка, до дна которой не добраться губами, только языком.

Теплую белую кожу на внутренней стороне бедра, особенно там, в самом верху.

Пупырышки на сосках.
Щиколотки в носках.

Маленькие ступни.

Или ворота. Дверь в ее внутренний мир.

Она позволяет мне находиться одновременно и сверху, и внутри нее. Я становлюсь всеобъемлющим и всепроникающим, как атмосфера.

"Этот мир устроен не так, как хотелось бы. Но если бы он был устроен так, как хотелось, хотелось бы иного".

Альбер Камю

...И вот мне приснилось,
что сердце мое не болит,
Оно — колокольчик фарфоровый
в желтом Китае
На пагоде пестрой...
висит и приветно звенит,
В эмаливом небе
дразня журавлиные стаи.

А тихая девушка
в платье из красных шелков,
Где золотом вышиты осы,
цветы и драконы,
С поджатыми ножками
смотрит без мыслей и снов,
Внимательно слушая
легкие, легкие звоны.

Николай Гумилев, отрывок из стихотворения "Я верил, я думал...",
сборник "Чужое небо", 1912 г.

Виктор КОРЧЕНОВ

КАК РОЖДАЮТСЯ И УМИРАЮТ

Ну разве мог я когда-то представить себя вне Одессы, себя, коренного одессита черт знает в каком поколении, два прадеда которого, одесские мещане Бер и Мордко Галюзманы, судя по архивным записям, проживали в Одессе еще в середине позапрошлого века? Они же, позднее поменяв мещанское сословие на более привилегированное купеческое, в 70-х годах стали содержателями харчевен и были одними из тех, кто сто с лишним лет назад создавал Одессу славу города порто-франко, города предпринимателей, наконец, чисто европейского города, четвертого города в Империи, впервые нареченного поэтом К.Н. Батюшковым еще в 1818 году "лучшим из городов наших", а затем называвшегося такими лестными эпитетами, как Золотой город и Южная Пальмира, Русская Италия и Красавица Юга, и даже — чего больше — Лучшая жемчужина Русской короны.

Д.А. Галюзман (сидит в центре) среди учителей субботней школы для взрослых. 1904 г.

Помещения, занимаемые харчевнями, кстати, сохранились и по сей день. В одном из них, в бывшем доме Черепенникова на углу Преображенской и Успенской улиц, вот уже много лет — небольшой продовольственный магазин, в другом, в доме Амбросио, на углу Новорыбной и Екатерининской улиц, разместилась комплексная мастерская бытовой техники. И если бы сейчас, здесь, в Америке, мне вдруг взбрело в голову открыть какой-нибудь ресторан, то на его рекламе, возможно, была бы приписка вроде: "Заведение существует с 1872 года". Правда, с "небольшим" перебивом.

Разве мог я представить вне Одессы себя, чья прабабка, просто Фрида-Ита Мошкова, задолго до "появления на свет" знаменитого Остапа Бендера, в "Делах одесского раввината" значилась вдовой настоящего турецкоподданного, а четыре двоюродных деда, родившись и проживши всю жизнь в Одессе, были кто инженером-электриком, кто инженером-механиком, кто учителем рисования и художником (одна из его работ, кстати, чудом уцелела, пережив ставшего нищим в голодном 1921 году автора и пройдя всю нелегкую эвакуацию).

И.Б. Галюзман (справа). 1912 г.

И разве мог я, наконец, когда-то представить вне Одессы себя, чей дедушка, Исая Борисович Галюзман (которого я, к сожалению, никогда не видел), коренной одессит, поступив на естественное отделение

физико-математического факультета Императорского Новороссийского университета в 1895 году "в числе зачисленных по десятипроцентной норме подавших прошение евреев" и окончив его с дипломом первой степени, стал кандидатом естественных наук, заведовал вечерней школой для взрослых и "имел честь состоять" товарищем (то есть заместителем) председателя фотографического отдела Одесского отделения Императорского русского технического общества? И умер он все в том же голодном 1921. Его жена, а моя бабушка, Доротея Арнольдовна Галюзман, культурнейшая женщина, после окончания 2-й Одесской женской гимназии в год столетнего юбилея Одессы преподавала русский язык и литературу в частных еврейских училищах и в субботней школе для взрослых. Она оставила о себе добрую память, да еще золотой именной жетон "От попечительного со-

вета училища доктора Зильберберга", положивший начало моему увлечению одесскими медалями и жетонами.

И.Б. Галюзман. 1920 г.

Д.А. Галюзман. 1898 г.

Израиль Рухомовский. Начало 1900-х гг.

Проф. Я.В. Зильберберг
Начало 1900-х гг.

Мой отец Корченев Константин Борисович, известный архитектор, чье имя вошло в изданный в Киеве в 1973 году "Словарь художников Украины", хоть и родился в Воронеже, всю жизнь прожил в Одессе, в 1932 году окончил Одесский институт инженеров гражданского и коммунального строительства и по-настоящему любил этот город. Как многие, "был бит" в период космополитизма, но остался предельно честным и принципиальным. Десять лет проработав главным архитектором Одесской области, он с гордостью вспоминал, что именно благодаря его противоборству один из символов Одессы, известный всему миру памятник дюку де Ришелье не был заменен на памятник Ленину, а памятник графу Воронцову — на монумент в честь Советской Армии.

Н.И. Корченова и К.Б. Корченев. 1950 г.

Именно отец привил мне любовь к неповторимой одесской архитектуре, городским ансамблям и памятникам. И с семнадцати лет я уже знал: Одесса — это мой город. И искренне верил, что навсегда. Я стал собирать — сперва современные, потом дореволюционные — открытки, литографии, гравюры с видами Одессы.

В середине 50-х годов мне, тогда еще студенту Одесского инженерно-строительного института, повезло застать в живых многих старых одесских коллекционеров, которые, узрев во мне молодую смену, всячески содействовали моему увлечению.

Вспоминается инвалид войны Константин Александрович Кабардинцев, собиравший открытки с видами Одессы еще до ухода на фронт. Известный всему филателистскому миру страны как один из ведущих коллекционеров марок авиапочты, он в 60-х годах создал исключительную коллекцию другого рода — более тысячи дореволюционных одесских открыток. Из-за больного сердца и предельно неудобного протеза он редко выходил на улицу, но двери его однокомнатной квартирки буквально не закрывались от постоянных гостей: днем это были коллекционеры с предложениями всевозможных обменов, а вечером — шахматисты и преферансисты.

К.А. Кабардинцев

К моменту первой с ним встречи я собирал уже не только виды Одессы, но также медали и жетоны. И чтоб не стать конкурентами, мы заключили джентльменское соглашение: все найденные мной, но отсутствующие у него открытки я обещал отдавать ему в обмен на Бог весть каким образом приобретаемый им нумизматический материал. Но в то же время он обязал жену, обаятельную Людмилу Иосифовну, после его смерти продать мне всю коллекцию открыток и книг об Одессе по заранее оговоренной весьма умеренной, но все же пугавшей меня, студента, цене. Эта коллекция, действительно мной потом приобретенная, долгие годы пополнялась и совершенствовалась.

С.А. Бабаджан. 1959 г.
Монотипия худ. В.А. Зайченко

Но первой "живой легендой", с которой меня в свое время познакомили, был Самуил Аронович Бабаджан. У него, как мне говорили, я мог и что-то найти для себя, и многое узнать.

В его комнате, где он проживал вместе с сестрой Раисой Антоновой, бесценные для меня предметы старины — одесские афиши, программы концертов, обертки от конфет, трамвайные и конюшные билеты, меню всевозможных ресторанов и кафе, обрывки дореволюционных газет, части книг и путеводителей по Одессе — кучами и кучками валялись на полу, на стульях, на кроватях, на огромном столе и в неисчислимых ящиках большого секретера. Никогда нигде не работавший, Самуил Аронович с радостью продавал все, что мне удавалось раскапывать у него на протяжении многих лет. И зачастую вторую половину какого-то путеводителя по Одессе я обнаруживал в его залежах спустя несколько месяцев после приобретения первой, а планы к нему оказывались купленными одним из одесских музеев. Цену за невзрачный трамвайный билетик он порой называл такую, какую иной продавец не запросил бы за какой-нибудь антикварный предмет. Я не знал, не зная, уходит ли сразу, или посидеть еще немножко "для приличия". Но тут появлялась Раиса Антоновна, молниеносно оценивала ситуацию и принималась уговаривать брата, что "молодой человек — еще только студент, и откуда у него такие деньги". Самуил Аронович хватался за сердце, начинал что-то снова искать на столе, теряя отобранную мною "драгоценность" и спустя какое-то время вновь обнаруживая ее.

Тут цена неожиданно сокращалась вдвое. Я поднимался, чтобы уйти, но меня усаживали и снова сбавляли цену. И когда я уже собирался было отдать деньги, не столько потому, что памятный трамвайный билетик или рекламка того стоили, сколько из жалости к старику и желания скорее уйти, Самуил Аронович неожиданно принимался уговаривать меня разыграть этот предмет в шахматы. И в случае выигрыша я мог получить его совершенно бесплатно. В шахматы Самуил Аронович играть очень любил, но играл отвратительно. Будучи, видимо, дальтоником, он вместо своей фигуры постоянно норовил сделать ход фигурой противника. Я же неизменно уходил от него с дикой головной болью, но зато с выигранным "раритетом", и уже дома новое приобретение тщательно разглаживал и приводил в надлежащее состояние.

Гостей Самуил Аронович обычно встречал в калесолах с расстегнутой ширинкой и перекинутыми через голые грудь и спину подтяжками. Когда я, помню, как-то привел к нему в гости одну очень почтенную особу прекрасного пола, он, заметив ее конфуз, без толики смущения произнес запомнившуюся мне

КОЛЛЕКЦИИ...

на всю жизнь бесподобную фразу: "Не смущайтесь — в доме покойника двери всегда настезь". Но на улице ему импонировало внимание прохожих к созданному им облику одесской древности. И действительно, это была колоритнейшая личность, с бело-рыжей растущей прямо от глаз и сливающейся с усами бородой, с могучим восточным носом и посаженными на него большими очками, частично закрытыми косматыми бровями. В неизменном чесучовом пиджаке с оттопыренными, наполненными всякой коллекционной мишурой карманами, с палкой, он своей фантастической внешностью, как говорят в Одессе, таки да возбуждал любопытство.

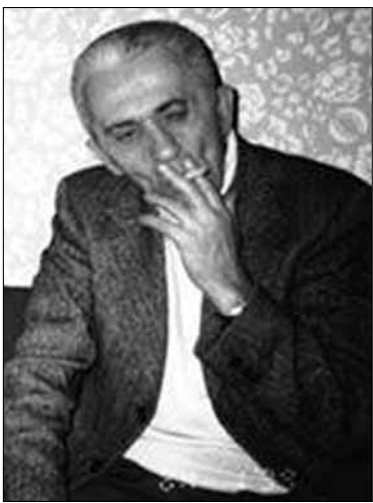
Страдая одышкой, Самуил Аронович часто останавливался, и не существовало такого дома, чтобы он не назвал его прежнего владельца, размещавшихся в этом доме магазинов и даже их ассортимент. В детстве Сема не признавал ни добродетельных родителей-каристов (его отец был почетным гражданином Одессы), ни гимназических наук, но зато с гордостью вспоминал, что впервые применил обыкновенные конторские счета с круглыми косточками, для того чтобы съехать на них по Ольгиевскому спуску. А открывшаяся в 1910 году в Александровском парке художественно-промышленная выставка его настолько очаровала, что он, хронически не признававший никаких платных входов, околдовался там целыми днями. И даже спустя пятьдесят лет, нисколько не напрягая память, часами рассказывал о поразивших его детское воображение сказочных павильонах, светящемся фонтане, "движущемся тротуаре" и иллюзионах.

Моя мать Надежда Исаевна, обаятельная и отзывчивая женщина, всю жизнь нежно и преданно любившая меня, всячески поощряла и поддерживала мое увлечение. Она гордилась мной, моей коллекцией, искренне радовалась любому приобретению. Похоронив мать и сравнительно рано мужа, сильно стесненная в средствах, она, зная, что я органически не переношу никаких принятых у коллекционеров "наваров", во многом себе отказывая и продавая кое-какие предметы из домашней утвари — случайно сохранившиеся рамы от картин, старинные наряды или малоценную бижутерию, — презентовала мне, тогда еще студенту, ту или иную сумму.

М.И. Рыбальченко. 1948 г.

Многие бывшие спортсмены — обладатели дореволюционных и довоенных жетонов, как, например, вошедший в Книгу рекордов Гиннесса Михаил Иванович Рыбальченко, в большинстве случаев дарили их. Но зачастую приходилось и попотеть. Довольно долго я уговаривал вдову известного на всю Россию и эмигрировавшего еще в 1920 году футболиста Григория Богемского продать мне спортивные жетоны ее мужа. Продавать она не ре-

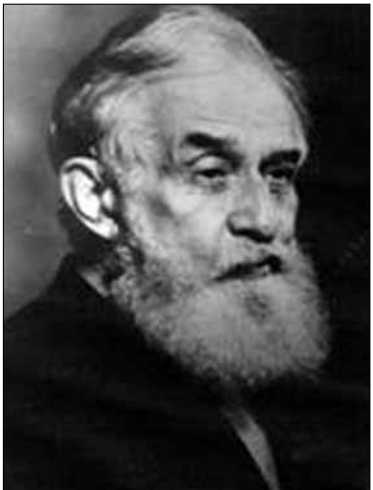

А.Ю. Розенбойм. 1999 г.

шлась, дарить не хотела. Но наконец согласилась — при условии, что я "помогу" обработать ее дачный участок где-то в Крыжановке. И мы с Беллой, моей женой, целое лето ездили туда, копали, сапали, пропалывали, поливали. Искусство требовало жертв! В другой раз меня попросили в порядке уплаты за вожденный жетон собрать на какой-то старинной даче урожай с огромного вишневого дерева. Лестницу хотя и искали, не нашли. Забыть этот подвиг я не могу по сей день — к качеству сбора урожая хозяйка отнеслась весьма и весьма придиричиво. Но обладателем жетона все же я стал. Это было начало.

И мог ли я тогда вообразить себя вне всего этого, вне постоянного поиска, вне бескорыстной помощи старшего библиографа Одесской научной библиотеки имени Горького Виктора Семеновича Фельдмана и его жены Ольги Юдовны, без Сергея Калмыкова, замученного бесконечными просьбами перефотографировать тот или иной жетон или документ для этого задуманного много лет назад каталога? Без, наконец, старого закадычного друга Александра Розенбойма, известного сейчас литературоведа, крупнейшего знатока жизни и творчества всех связанных с Одессой писателей и поэтов, многие годы по крупицам извлекавшего из архива бесценные для меня сведения для составления моего генеалогического древа?

Собирая коллекцию, я старался атрибутировать каждый ее экспонат, каждое новое поступление. И первым, кто стал мне оказывать в этом действенную помощь, был старший научный сотрудник Одесского историко-краеведческого музея, искусствовед, видный коллекционер и исследователь монет античного Северного Причерноморья и старой Польши кандидат исторических наук Александр Семенович Коциевский.

Проф. В.В. Ашик. 1975 г.

Самые теплые воспоминания оставил о себе крупнейший в Союзе ленинградский коллекционер русских памятных медалей и жетонов, человек энциклопедических знаний доктор технических наук Виктор Владимирович Ашик.

После смерти его отца Влади-

мира Антоновича, известного русского нумизмата, автора книги "Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в 1812, 1813 и 1814 гг.", сыну досталось немалое наследие — примерно три тысячи российских жетонов и медалей. Но Виктору Владимировичу, страстному и последовательному продолжателю тематики отца, удалось вдвое увеличить численность экспонатов этой уникальнейшей коллекции.

С Ашиком мы познакомились еще в начале 60-х годов по переписке. Просто один из моих знакомых коллекционеров посоветовал "на всякий случай" написать письмо с просьбой сообщить о наличии в собрании известного нумизмата интересующего меня одесского материала. К моему искреннему удивлению, Виктор Владимирович вскоре прислал карандашные протирки и предельно подробное описание всей имевшейся у него на то время одесской подборки. С тех пор завязалась дружеская и бесценная для меня многолетняя переписка. Мало того что Виктор Владимирович давал на любые мои вопросы исчерпывающие ответы, какие я не мог найти даже в справочной литературе одесских научных библиотек, он совершенно бескорыстно присылал мне хотя и во второй раз попавшие к нему, но тем не менее, уникальные экземпляры одесских медалей и жетонов. Так я стал единственным в Одессе и, думаю, вторым в Союзе обладателем выпущенной в 1822 году в Париже памятной медали в честь "нашего" дюка де Ришелье. Уже позднее, просматривая подшивку газеты "Одесский вестник" за 1827 год, удалось обнаружить сообщение, что аналогичный экземпляр такой медали по существовавшей уже тогда традиции был заложен в фундамент памятника герцогу.

Я, в свою очередь, как мог также помогал Виктору Владимировичу в пополнении его коллекции. Много лет продолжалась наша переписка, несколько раз с большим радужием мы принимали друг друга, хотя, как мне говорили сами ленинградцы, не многим удалось побывать дома у Ашика, жилище которого во время войны в связи с эвакуацией профессора вместе с институтом, где он работал, было опечатано как квартира-музей.

За несколько лет до смерти Виктор Владимирович сообщил, что завещательным письмом он поручил своей жене Музе Михайловне после его кончины передать мне все имевшиеся у него одесские жетоны, которые за многие годы коллекционирования мне так и не удалось приобрести, но фотографии которых он все же успел прислать. Детей у Ашика не было. Единственный наследник — племянник, Герой Советского Союза, принять такое богатое наследство отказался, и Виктор Владимирович стал хлопотать о размещении в Эрмитаже всего своего уникального собрания с единственной просьбой: выделить небольшое помещение для экспозиции с табличкой "Дар Ашика". Ему постоянно отказывали, и это приводило старого коллекционера в сильное волнение.

И сейчас я уже не могу передать того испытанного мной потрясения, когда неожиданно узнал из двух подвальных публикаций в "Известиях" о внезапной кончине Ашика в сентябре 1985 года, о добровольном укрытии в больнице Музы Михайловны во избежание преследований со стороны каких-то темных личностей, о ее загадочной смерти там спустя неделю после мужа, о таинственном исчезновении завещаний коллекционера, о взломе квартиры работника милиции совместно с сотрудниками Петергофского музея и о составленных ими описях, в десятки раз занижающих реальное количество экспонатов уникальных коллекций миниатюр, картин и стекла, но прежде всего, русских медалей, в общем-то, разграбленных в присутствии каких-то неведомых понятых. Многие экспонаты, например, серебряные памятные медали петровской и аннинской эпох, отсутствовали даже в собрании Эрмитажа.

А разве не трагична смерть почти столетнего старика, известного одесского коллекционера картин полковника в отставке И.М. Федорова, оставленного лежать на полу с кляпом во рту и задохнувшегося, после того как вошедшие в коммунальную квартиру под видом санитаров "скорой помощи" жлобы в белых халатах вынесли его коллекцию? Или не печальна участь коллекции бесследно исчезнувших монет моего первого наставника А.С. Коциевского, вынесенных грабителями через прорезанное в чердачном перекрытии отверстие в считанные часы отсутствия хозяйки квартиры?

Коллекционеров зачастую называют одержимыми. Но эти "одержимые", собирая, как правило, довольно узкую тематику, ежегодно устраивали городские выставки, где можно было увидеть то, мимо чего проходили музеи. Но если и имелось что-то в музеях, то в весьма скудном количестве, да и то в запасниках.

Ведь коллекционерами выставлялись не только античные монеты и геммы, царские ордена и полковые знаки. Здесь можно было подивиться на фарфоровые сырные доски и дореволюционные пуговицы, экслибрисы и самовары, обертки от бритв и карманные часы.

Любимому увлечению посвящали всю жизнь, отдавали все свободное время. Многие коллекционеры, не имея особого достатка, экономили на всем, даже на еде.

А как неприспособленность одевались! Да тот же ленинградский профессор В.В. Ашик, нисколько не стыдясь, сорок лет проходил в одном и том же кожаном пальто.

Коллекционеры были не только собирателями. Большие деньги тратились ими на литературу по теме их увлечения. С ними консультировались музейные работники, экспонаты коллекций помогали создателям документальных и художественных фильмов. Эти "одержимые" с радостью делились своими знаниями, приглашая в гости совершенно незнакомых людей.

Сейчас об этом можно только, тяжело вздыхая, вспоминать. Бандитизм, воровство и рэкет вынуждают серьезных коллекционеров продавать свои коллекции либо уходить в подполье, распуская слухи о ликвидации их "детищ".

А как много их уехало за рубеж, вынужденно продав перед отъездом или просто бросив на произвол судьбы по крупицам собранное!

И кто знает, удастся ли еще из "осколков разбитого вдребезги" составить когда-нибудь вновь единое целое?

P. S.

Полвека спустя мне кажется странным, даже невероятным, что три года в моей жизни были как-то связаны со строительным институтом. Теперь, когда я об этом вспоминаю, то мечтательно говорю: "А вот окончила бы я строительный, была бы я прорабом, например, вот бы мы как сыр в масле катались"... Прорабом я не стала, от наук строительного института сохранились, пожалуй, только воспоминания об эпюрах...

И все же другие воспоминания тешат мою душу. О мальчиках второй половины 50-х годов, умных и талантливых мальчишках из строительного института.

Сема Лившин, который много лет спустя вспоминал, как впервые от меня услышал слово "эссеист" (речь шла об Эренбурге — только-только вышли "Французские тетради"!), и смотрел на меня в тот момент, как Эллочка на Фиму Собак.

Валерий Хаит, который много лет меня дразнит надписью на томишке Блока, который я ему тогда подарил, и ни за что (наверное, по своей деликатности) не хочет воспроизвести какую-нибудь сочиненную мной по младости лет сентиментальщину.

Миша Черешня, который врывался в аудиторию, где я мучилась над билетом по теореме, передавая мне шпаргалки и залосня своей спиной от экзаменатора.

Потом я бросила строительный и уехала в Ленинград, в университет...

И еще за одного мальчика я благодарна строительному институту. Я училась на вечернем отделении, и весь первый курс просидела за одним столом с худеньким скромным мальчиком, правда, таким же смешливым, как я. Мы во время лекций писали друг другу смешные записки, что-то рисовали, передразнивали преподавателей, словом, на скучных лекциях нам было весело.

Мальчика звали Витя Корченков. Такую фамилию я знала, не зря же я работала в Гипрограде, где часто упоминалась фамилия областного (то ли городского) архитектора.

Но даже мысль, что этот мой веселый и одновременно застенчивый дружок, студент вечернего факультета, — сын влиятельного человека, не приходила мне в голову.

Я бы хотела увидеть сейчас сына какого-нибудь начальника в роли скромного студента вечернего факультета (если такие сохранились!).

После возвращения из Ленинграда я узнала, что мои прежние приятели знакомы с моим мужем, ходят к нему в "Комсомольскую искру". Жизнь продолжалась.

Витя Корченков уже в начале шестидесятых годов стал одним из тех собирателей и хранителей одесской истории, ее прекрасного былого, одним из тех, кто самозабвенно и сосредоточенно не давал поглотить Лете память Города. Саша Розенбойм, искавший и находивший людей, свидетелей давних событий в Одессе, Сергей Калмыков, объектив фотокамеры которого сохранил "уходящую натуру" нашего города. Этих "страстотерпцев", этих воителей во славу и в память нашего прошлого, может, было и не так много, но их подвижничество — неоценимо.

О своей коллекции одесских жетонов, значков, прочих раритетов Виктор Константинович Корченков написал сам — и книгу, и многочисленные статьи.

Хоть это осталось. Что уж вздыхать о рассеявшихся коллекциях, когда их владельцы, их собиратели оказались рассеянными по свету...

КОЛЛЕКЦИИ...

на всю жизнь бесподобную фразу: "Не смущайтесь — в доме покойника двери всегда настезь". Но на улице ему импонировало внимание прохожих к созданному им облику одесской древности. И действительно, это была колоритнейшая личность, с бело-рыжей растущей прямо от глаз и сливающейся с усами бородой, с могучим восточным носом и посаженными на него большими очками, частично закрытыми косматыми бровями. В неизменном чесучовом пиджаке с оттопыренными, наполненными всякой коллекционной мишурой карманами, с палкой, он своей фантастической внешностью, как говорят в Одессе, таки да возбуждал любопытство.

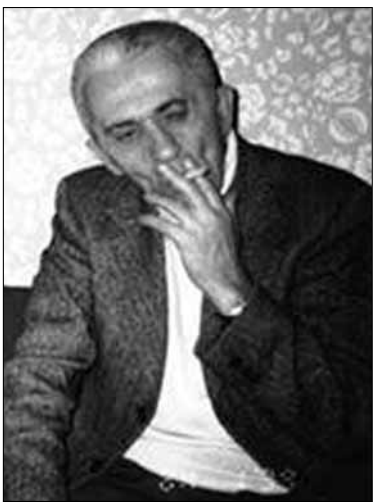
Страдая одышкой, Самуил Аронович часто останавливался, и не существовало такого дома, чтобы он не назвал его прежнего владельца, размещавшихся в этом доме магазинов и даже их ассортимент. В детстве Сема не признавал ни добродетельных родителей-каристов (его отец был почетным гражданином Одессы), ни гимназических наук, но зато с гордостью вспоминал, что впервые применил обыкновенные конторские счета с круглыми косточками, для того чтобы съехать на них по Ольгиевскому спуску. А открывшаяся в 1910 году в Александровском парке художественно-промышленная выставка его настолько очаровала, что он, хронически не признававший никаких платных входов, околдовался там целыми днями. И даже спустя пятьдесят лет, нисколько не напрягая память, часами рассказывал о поразивших его детское воображение сказочных павильонах, светящемся фонтане, "движущемся тротуаре" и иллюзионах.

Моя мать Надежда Исаевна, обаятельная и отзывчивая женщина, всю жизнь нежно и преданно любившая меня, всячески поощряла и поддерживала мое увлечение. Она гордилась мной, моей коллекцией, искренне радовалась любому приобретению. Похоронив мать и сравнительно рано мужа, сильно стесненная в средствах, она, зная, что я органически не переношу никаких принятых у коллекционеров "наваров", во многом себе отказывая и продавая кое-какие предметы из домашней утвари — случайно сохранившиеся рамы от картин, старинные наряды или малоценную бижутерию, — презентовала мне, тогда еще студенту, ту или иную сумму.

М.И. Рыбальченко. 1948 г.

Многие бывшие спортсмены — обладатели дореволюционных и довоенных жетонов, как, например, вошедший в Книгу рекордов Гиннесса Михаил Иванович Рыбальченко, в большинстве случаев дарили их. Но зачастую приходилось и попотеть. Довольно долго я уговаривал вдову известного на всю Россию и эмигрировавшего еще в 1920 году футболиста Григория Богемского продать мне спортивные жетоны ее мужа. Продавать она не ре-

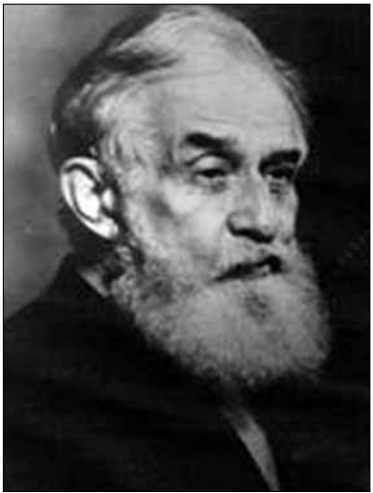

А.Ю. Розенбойм. 1999 г.

шлась, дарить не хотела. Но наконец согласилась — при условии, что я "помогу" обработать ее дачный участок где-то в Крыжановке. И мы с Беллой, моей женой, целое лето ездили туда, копали, сапали, пропалывали, поливали. Искусство требовало жертв! В другой раз меня попросили в порядке уплаты за вожденный жетон собрать на какой-то старинной даче урожай с огромного вишневого дерева. Лестницу хотя и искали, не нашли. Забыть этот подвиг я не могу по сей день — к качеству сбора урожая хозяйка отнеслась весьма и весьма придиричиво. Но обладателем жетона все же я стал. Это было начало.

И мог ли я тогда вообразить себя вне всего этого, вне постоянного поиска, вне бескорыстной помощи старшего библиографа Одесской научной библиотеки имени Горького Виктора Семеновича Фельдмана и его жены Ольги Юдовны, без Сергея Калмыкова, замученного бесконечными просьбами перефотографировать тот или иной жетон или документ для этого задуманного много лет назад каталога? Без, наконец, старого закадычного друга Александра Розенбойма, известного сейчас литературоведа, крупнейшего знатока жизни и творчества всех связанных с Одессой писателей и поэтов, многие годы по крупицам извлекавшего из архива бесценные для меня сведения для составления моего генеалогического древа?

Собирая коллекцию, я старался атрибутировать каждый ее экспонат, каждое новое поступление. И первым, кто стал мне оказывать в этом действенную помощь, был старший научный сотрудник Одесского историко-краеведческого музея, искусствовед, видный коллекционер и исследователь монет античного Северного Причерноморья и старой Польши кандидат исторических наук Александр Семенович Коциевский.

Проф. В.В. Ашик. 1975 г.

Самые теплые воспоминания оставил о себе крупнейший в Союзе ленинградский коллекционер русских памятных медалей и жетонов, человек энциклопедических знаний доктор технических наук Виктор Владимирович Ашик.

После смерти его отца Влади-

мира Антоновича, известного русского нумизмата, автора книги "Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в 1812, 1813 и 1814 гг.", сыну досталось немалое наследие — примерно три тысячи российских жетонов и медалей. Но Виктору Владимировичу, страстному и последовательному продолжателю тематики отца, удалось вдвое увеличить численность экспонатов этой уникальнейшей коллекции.

С Ашиком мы познакомились еще в начале 60-х годов по переписке. Просто один из моих знакомых коллекционеров посоветовал "на всякий случай" написать письмо с просьбой сообщить о наличии в собрании известного нумизмата интересующего меня одесского материала. К моему искреннему удивлению, Виктор Владимирович вскоре прислал карандашные протирки и предельно подробное описание всей имевшейся у него на то время одесской подборки. С тех пор завязалась дружеская и бесценная для меня многолетняя переписка. Мало того что Виктор Владимирович давал на любые мои вопросы исчерпывающие ответы, какие я не мог найти даже в справочной литературе одесских научных библиотек, он совершенно бескорыстно присылал мне хотя и во второй раз попавшие к нему, но тем не менее, уникальные экземпляры одесских медалей и жетонов. Так я стал единственным в Одессе и, думаю, вторым в Союзе обладателем выпущенной в 1822 году в Париже памятной медали в честь "нашего" дюка де Ришелье. Уже позднее, просматривая подшивку газеты "Одесский вестник" за 1827 год, удалось обнаружить сообщение, что аналогичный экземпляр такой медали по существовавшей уже тогда традиции был заложен в фундамент памятника герцогу.

Я, в свою очередь, как мог также помогал Виктору Владимировичу в пополнении его коллекции. Много лет продолжалась наша переписка, несколько раз с большим радужием мы принимали друг друга, хотя, как мне говорили сами ленинградцы, не многим удалось побывать дома у Ашика, жилище которого во время войны в связи с эвакуацией профессора вместе с институтом, где он работал, было опечатано как квартира-музей.

За несколько лет до смерти Виктор Владимирович сообщил, что завещательным письмом он поручил своей жене Музе Михайловне после его кончины передать мне все имевшиеся у него одесские жетоны, которые за многие годы коллекционирования мне так и не удалось приобрести, но фотографии которых он все же успел прислать. Детей у Ашика не было. Единственный наследник — племянник, Герой Советского Союза, принять такое богатое наследство отказался, и Виктор Владимирович стал хлопотать о размещении в Эрмитаже всего своего уникального собрания с единственной просьбой: выделить небольшое помещение для экспозиции с табличкой "Дар Ашика". Ему постоянно отказывали, и это приводило старого коллекционера в сильное волнение.

И сейчас я уже не могу передать того испытанного мной потрясения, когда неожиданно узнал из двух подвальных публикаций в "Известиях" о внезапной кончине Ашика в сентябре 1985 года, о добровольном укрытии в больнице Музы Михайловны во избежание преследований со стороны каких-то темных личностей, о ее загадочной смерти там спустя неделю после мужа, о таинственном исчезновении завещаний коллекционера, о взломе квартиры работника милиции совместно с сотрудниками Петергофского музея и о составленных ими описях, в десятки раз занижающих реальное количество экспонатов уникальных коллекций миниатюр, картин и стекла, но прежде всего, русских медалей, в общем-то, разграбленных в присутствии каких-то неведомых понятых. Многие экспонаты, например, серебряные памятные медали петровской и аннинской эпох, отсутствовали даже в собрании Эрмитажа.

А разве не трагична смерть почти столетнего старика, известного одесского коллекционера картин полковника в отставке И.М. Федорова, оставленного лежать на полу с кляпом во рту и задохнувшегося, после того как вошедшие в коммунальную квартиру под видом санитаров "скорой помощи" жлобы в белых халатах вынесли его коллекцию? Или не печальна участь коллекции бесследно исчезнувших монет моего первого наставника А.С. Коциевского, вынесенных грабителями через прорезанное в чердачном перекрытии отверстие в считанные часы отсутствия хозяйки квартиры?

Коллекционеров зачастую называют одержимыми. Но эти "одержимые", собирая, как правило, довольно узкую тематику, ежегодно устраивали городские выставки, где можно было увидеть то, мимо чего проходили музеи. Но если и имелось что-то в музеях, то в весьма скудном количестве, да и то в запасниках.

Ведь коллекционерами выставлялись не только античные монеты и геммы, царские ордена и полковые знаки. Здесь можно было подивиться на фарфоровые сырные доски и дореволюционные пуговицы, экслибрисы и самовары, обертки от бритв и карманные часы.

Любимому увлечению посвящали всю жизнь, отдавали все свободное время. Многие коллекционеры, не имея особого достатка, экономили на всем, даже на еде.

А как неприспособленность одевались! Да тот же ленинградский профессор В.В. Ашик, нисколько не стыдясь, сорок лет проходил в одном и том же кожаном пальто.

Коллекционеры были не только собирателями. Большие деньги тратились ими на литературу по теме их увлечения. С ними консультировались музейные работники, экспонаты коллекций помогали создателям документальных и художественных фильмов. Эти "одержимые" с радостью делились своими знаниями, приглашая в гости совершенно незнакомых людей.

Сейчас об этом можно только, тяжело вздыхая, вспоминать. Бандитизм, воровство и рэкет вынуждают серьезных коллекционеров продавать свои коллекции либо уходить в подполье, распуская слухи о ликвидации их "детищ".

А как много их уехало за рубеж, вынужденно продав перед отъездом или просто бросив на произвол судьбы по крупицам собранное!

И кто знает, удастся ли еще из "осколков разбитого вдребезги" составить когда-нибудь вновь единое целое?

P. S.

Полвека спустя мне кажется странным, даже невероятным, что три года в моей жизни были как-то связаны со строительным институтом. Теперь, когда я об этом вспоминаю, то мечтательно говорю: "А вот окончила бы я строительный, была бы я прорабом, например, вот бы мы как сыр в масле катались"... Прорабом я не стала, от наук строительного института сохранились, пожалуй, только воспоминания об эпюрах...

И все же другие воспоминания тешат мою душу. О мальчиках второй половины 50-х годов, умных и талантливых мальчишках из строительного института.

Сема Лившин, который много лет спустя вспоминал, как впервые от меня услышал слово "эссеист" (речь шла об Эренбурге — только-только вышли "Французские тетради"!), и смотрел на меня в тот момент, как Эллочка на Фиму Собак.

Валерий Хаит, который много лет меня дразнит надписью на томике Блока, который я ему тогда подарил, и ни за что (наверное, по своей деликатности) не хочет воспроизвести какую-нибудь сочиненную мной по младости лет сентиментальщину.

Миша Черешня, который врывался в аудиторию, где я мучилась над билетом по теореме, передавая мне шпаргалки и залосня своей спиной от экзаменатора.

Потом я бросила строительный и уехала в Ленинград, в университет...

И еще за одного мальчика я благодарна строительному институту. Я училась на вечернем отделении, и весь первый курс просидела за одним столом с худеньким скромным мальчиком, правда, таким же смешливым, как я. Мы во время лекций писали друг другу смешные записки, что-то рисовали, передразнивали преподавателей, словом, на скучных лекциях нам было весело.

Мальчика звали Витя Корченков. Такую фамилию я знала, не зря же я работала в Гипрограде, где часто упоминалась фамилия областного (то ли городского) архитектора.

Но даже мысль, что этот мой веселый и одновременно застенчивый дружок, студент вечернего факультета, — сын влиятельного человека, не приходила мне в голову.

Я бы хотела увидеть сейчас сына какого-нибудь начальника в роли скромного студента вечернего факультета (если такие сохранились!).

После возвращения из Ленинграда я узнала, что мои прежние приятели знакомы с моим мужем, ходят к нему в "Комсомольскую искру". Жизнь продолжалась.

Витя Корченков уже в начале шестидесятых годов стал одним из тех собирателей и хранителей одесской истории, ее прекрасного былого, одним из тех, кто самозабвенно и сосредоточенно не давал поглотить Лете память Города. Саша Розенбойм, искавший и находивший людей, свидетелей давних событий в Одессе, Сергей Калмыков, объектив фотокамеры которого сохранил "уходящую натуру" нашего города. Этих "страстотерпцев", этих воителей во славу и в память нашего прошлого, может, было и не так много, но их подвижничество — неоценимо.

О своей коллекции одесских жетонов, значков, прочих раритетов Виктор Константинович Корченков написал сам — и книгу, и многочисленные статьи.

Хоть это осталось. Что уж вздыхать о рассеявшихся коллекциях, когда их владельцы, их собиратели оказались рассеянными по свету...

Петр ЕФИМОВ

«КРЫМСКАЯ КАЛИФОРНИЯ», ИЛИ ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

"Сейчас при упоминании Крыма в России принято вызывать из памяти артековское детство и ругать Никиту Хрущева за то, что "отдал полуостров хохлам". А зря: все могло сложиться куда хуже, и на месте Крыма располагался бы 51-й штат США или то, что ныне именуется Государством Израиль"... Так начинается солидная публикация-интервью в "Аргументах и фактах" под сенсационным заголовком "Как Крым чуть не стал Израилем" (№ 43, 2008 г.).

Корреспондент Сергей Осипов интервьюировал известного российского госдеятеля Михаила Полторанина, в прошлом министра печати и информации (1990-1992 гг.), зам. председателя правительства и депутата Российской Госдумы. А по сути своей он был и остался подзаборным антисемитом, которого первый президент Украины Леонид Кравчук предельно точно назвал держимордой (кстати, именно за антисемитские высказывания, выходящие "за пределы допустимых" в РФ, Полторанин и был изгнан из правительства).

А как вам сам тон редакционной врезки? Пренебрежительный, с явной издевкой, походка охаивается целое государство — член ООН, с первых строк читателя настраивают на критическую волну. Это впечатление усиливается по мере чтения всего интервью.

А денежки продолжали капать...

Действительно, еще в 20-е годы носилась идея создания Еврейской автономии в малонаселенной части Северного Крыма, был подписан даже документ под таким интригующим названием — "О Крымской Калифорнии", между "Джойнтом" (американской еврейской благотворительной организацией, представившей в первые годы советской власти США) и ЦИК РСФСР. По этому соглашению, "Джойнт" выделял России по 1,5 млн. долларов в год для нужд еврейских сельскохозяйственных коммун. До 1936 г. России было переведено 20 млн. долларов. Несколько таких коммун работали весьма продуктивно: получали высокие урожаи, внедряли новую технику, росло и животноводство. Потом их преобразовали в совхозы. Но со временем по разным причинам т. н. "Крымский проект" заглох (а денежки, повторюсь, до 1936 г. продолжали капать).

А далее в интервью начинается самое интересное. Ссылаясь на Милована Джиласа, будущего вице-президента Югославии, Полторанин приводит такой факт. Джилас вместе с Иосипом Броз Тито тайно прилетел в СССР (видимо, дело было в конце войны) и в личной беседе спросил Сталина, зачем весной 1944 г. из Крыма депортировали татар. По словам Джиласа, Сталин сослался на данные Рузвельту обязательства расчистить Крым для... еврейских переселенцев. И вроде бы американцы обещали за это льготный 10-миллиардный кредит. Более того, автор интервью делится и таким "секретом", будто бы руководителем "Еврейской Крымской Рес-

публики" собирались назначить Лазаря Кагановича. Но почему-то далее Полторанин перескакивает на события времен Хрущева — передачу Крыма Украине. У читателя, не знакомого с деталями этой истории, создается впечатление, будто Сталина очень заботил "еврейский вопрос", и он готовил Крым для новых переселенцев — евреев. Вообще-то, заботил, только вектор этих забот явно был повернут в иную сторону. Квинтэссенцию этих событий автор почему-то упустил, оставив читателя домысливать продолжение. И, судя по всему, упустил не зря.

В истории с "еврейским Крымом" Сталин предстает не только как искусный мастер интриг и закулисных сделок, но и как автор, постановщик, дирижер и главное действующее лицо этого лицедейства. И все эти обязанности он исполнял одновременно. А когда пришло иное время, переложил все "грехи" на своих подельников. На XIX съезде КПСС в октябре 1952 г. в своей речи он сказал: "Молотов — преданный нашему делу человек. Но нельзя назвать держимордой (кстати, именно за антисемитские высказывания, выходящие "за пределы допустимых" в РФ, Полторанин и был изгнан из правительства). А как вам сам тон редакционной врезки? Пренебрежительный, с явной издевкой, походка охаивается целое государство — член ООН, с первых строк читателя настраивают на критическую волну. Это впечатление усиливается по мере чтения всего интервью.

Оказывается, главным трубадуром Крымского проекта был Молотов? Только глупец может поверить в то, что Молотов мог самостоятельно решать такие проблемы. За его спиной постоянной грозной тенью стоял "хозяин", без него ни один мало-мальски важный вопрос в стране не решался. Знакомый метод деспота: заварить кашу, а потом находить козлов отпущения и наказывать по-сталински.

Ложь должна быть чудовищной

Вернемся в 1943-й год. Крым еще не освобожден, но уже плетутся разного рода интриги. СССР истощен войной, и пора всерьез заняться экономикой. Нужны огромные средства. Тогда и появилась идея возродить проект "Крымской Калифорнии". Но нужен новый гарант, нужны новые лица, под которых можно получить серьезный "навар". Ломовые методы и ломовая грубость Кагановича не подходят. Всплывают новые действующие лица — Еврейский Антифашистский Комитет (ЕАК) и его председатель Соломон Михоэлс (Вовси). Человек известный и авторитетный: главный режиссер Государственного еврейского театра (ГОСЕТ), народный артист СССР. Сталин щедр к тем, кто ему нужен: он сам вписывает Соломона Михоэлса в списки лауреатов своей премии. А следом — "выделить председателю ЕАК персональную легковую машину".

Сталин был добросовестным учеником доктора Геббельса. Его откровение "Ложь должна быть чудовищной" стало его, Сталина, основополагающей доктриной. И в его воспаленном мозгу зреет злобный план. Надо только его хоро-

шенько продумать и верно подать. Крым, превосходящий по площади всю Палестину, способен вместить миллионы евреев не только из СССР, но и всего мира — вот и "окончательное решение еврейского вопроса". Чем не приманка для американцев? Ключут, обязательно ключут. Нужно только не торопясь соорудить заманчивую наживку. Вовлечение США в крымский проект даст фору в атомном противоборстве, обеспечит кредиты и льготы по ленд-лизу. А разве не солидной приманкой будет и сам Михоэлс на президентский пост "Крымской Еврейской Республики"? Но инициатива должна исходить не от правительства, а от еврейской общественности. Конечно, от ЕАК — наиболее влиятельной и авторитетной силы еврейской интеллигенции в стране. Пока...

На одном из совещаний у Сталина разбирается весьма важная проблема: состояние работ по ядерному проекту. Докладывал Берия. Но вдруг Сталин перебил его и неожиданно задал такие вопросы: как готовится поездка делегации ЕАК в Америку? проинформирован ли Литвинов (посол СССР в США)? кто поедет вместе с Михоэлсом? кто их пригласит? Берия отвечает четко: с Михоэлсом поедет "наш человек" И. Фефер; Литвинов в курсе; Михоэлса пригласит Альберт Эйнштейн и Роберт Оппенгеймер (на Оппенгеймера вышла жена советского резидента Зоя Зарубина). Все готово, продумано до мелочей.

С миру по нитке

Перед отъездом Михоэлса принял В. Молотов, в ту пору первый зам. предсовнаркома и министр иностранных дел. Принял не в служебном кабинете, а на квартире. По-домашнему. Сам факт такого приема должен подчеркнуть особую заинтересованность руководства страны в этой необычной командировке. Михоэлс и не предполагал, что инициатором встречи был вовсе не хозяин квартиры, а хозяин всей державы: он дотошно проинструктировал своего зама, как и о чем говорить. Историк и писатель Виктор Левашов в книге "Русские тайны. Убийство Михоэлса" (М., 1998) пишет: "Берия напомнил, что Михоэлса нужно проинструктировать. — Сделать это мне? — Тебе? Нет. Будет лучше, если это сделает Молотов. А товарища Молотова я проинструктирую сам" (с. 74).

Соломон Михоэлс польщен столь высоким вниманием. Но чувствует себя неудобно. Он встревожен. Еще не до конца понимает, почему этот визит проходит с такой помпой. Он перебирает все детали встречи. Уже в Америке он пожалует о том, что не успел все рассмотреть в квартире Молотова: дотошные американцы детально расспрашивали его об обстановке, о том, чем его угощали, во что был одет Молотов и его жена Полина Жемчужина. Это будет потом. А тогда, возвращаясь домой, он все никак не мог уловить главный смысл этих посиделок со вторым лицом государства. В памяти остались его настоячивые советы не уходить от острых вопросов, он весьма прозрачно намекал о Крыме. В том, что встреча инициирована Сталиным, теперь он не сомневался. Но зачем? Постичь логику Сталина было трудно. Как это отдать Крым с его курортами, порта-

ми, Севастополем, Черным морем, выходом на Балканы, Турцию... Михоэлс чувствовал подвох, но до конца осмыслить не мог. Он не мог знать о той игре с Западом, которую затеял Сталин: выжать из США все что можно, а потом обрубить концы. Нет, не о евреях думал Сталин. Впрочем, думал и о них. После захвата Крыма немцы переселили сюда тысячи кубанских казаков и членов их семей из Краснодарского края. После освобождения они рвались домой, но разрешения им не давали, учитывая антиеврейские настроения в их среде. Чем не конфликт? Запретили восстановление прежних еврейских колоний, не возвращали жилища, не принимали на работу. А если возвратятся татары? Начнется резня. Сталин смотрит вперед...

Беспокоила Михоэлса и замена партнера. Приглашение прислали ему и еврейскому поэту Маркишу, но вдруг "всплыл" Ицик Фефер. Нет, не вдруг. Разве он мог знать, что Фефер (агентурная кличка Зорин), завербованный органами НКВД, — давнишний их сотрудник, и ему предписывалось денно и ночно бдеть за своим патроном, все фиксировать и передавать вице-консулу советского посольства? В фешенебельной гостинице, куда их поселили, он засиживался до глубокой ночи и что-то строчил в своем блокноте.

— Вы что, стихи по ночам пишете? — поинтересовался однажды Михоэлс.

— Поэмы, — буркнул в ответ Фефер.

То были действительно поэмы, достойные внимания широкой общественности (вспомнил в этой связи старый-престарый анекдот: "Ты что по ночам пишешь?" — спрашивает жилец гостиничного номера своего соседа. "Оперу" — отвечает тот. Оказалось, все верно: он писал докладную своему оперуполномоченному). Разве могло Феферу даже в дурном сне присниться, что вместе с другими членами ЕАК его, своего же сотрудника, "отблагодарят" 9 граммами свинца?! Но до этого было еще далеко.

А пока они колесили по Америке, Канаде, Англии, Мексике и выбивали солидные деньги. С миру по нитке. И выбили немало — более 32 миллионов долларов — под все тот же мифический крымский проект.

Не помогло и Соломоново решение

Вернемся к интервью Полторанина. "Сталин понимал, — говорит он, — что американцы продавливают крымский проект не в интересах советских евреев, а в своих геополитических целях..." А в каких же целях будировал этот мнимый проект Сталин? Очень точно на этот вопрос ответил генерал-лейтенант Судоплатов, в ту пору начальник 4-го Управления НКВД, ответственный за спецоперации: "Сразу же после образования Еврейского Антифашистского Комитета, — пишет он, — советская разведка решила использовать связи еврейской интеллигенции для выяснения возможности получить дополнительную экономическую помощь через сионистские круги... С этой целью Михоэлсу и Феферу, нашему проверенному агенту, было поручено прозондировать реакцию

влиятельных сионистских организаций на создание еврейской республики в Крыму. Эта задача специального разведывательного зондажа была успешно выполнена" (Павел Судоплатов. "Разведка и Кремль", М., 1996 г., с. 339-340).

Делегация ЕАК с триумфом возвратилась в Москву. Сталин вновь поручает Молотову пригласить Михоэлса, поблагодарить за поездку и намекнуть, что сейчас самое подходящее время еврейской общественности обратиться к правительству с просьбой о создании еврейской республики в Крыму. А Берии поручает позаботиться о том, чтобы крымский проект вышел на правительственный уровень.

Михоэлс не покидал тяжелое предчувствие. Он не мог знать о том, что тревожится не он один. В другом конце Москвы подобные сомнения терзают и Соломона Лозовского — начальника Совинформбюро и зам. наркома иностранных дел. Они не могли не встретиться, два Соломона. И принимают соломоново решение: на президиуме ЕАК обращение в правительство не обсуждать, а отправить его за тремя подписями — председателя, его зама и ответственного секретаря. Почему? "В президиуме Комитета весь цвет еврейской интеллигенции, — сказал Лозовский. — Так давай их побережем" (В. Левашов. Указ. соч., с. 167). Но даже этот мужественный и выверенный шаг не уберег ни их, ни весь президиум ЕАК. По прямому указанию Сталина, 13 января 1948 г. будет зверски убит Михоэлс (его жена, красавица Анастасия Павловна Михоэлс-Потоцкая, потомственной польской графине, не только не разрешат поехать в Минск и узнать подробности автотрагедии, но и вообще запретят "проявлять излишнее любопытство"), а 12 августа 1952 г. после мучительных допросов и нечеловеческих пыток будет расстрелян С. Лозовский, В. Зускин, П. Маркиш, Л. Квитко, Б. Шимелиович, И. Фефер, И. Юзефович, Д. Гофштейн, Д. Бергельсон. Умерли в тюрьме З. Гринберг и С. Брегман. И. Нусинов сгинул в безвестности. Лишь академик Лине Штерн повезло: она отбыла пятилетний срок ссылки и умерла в Москве в 1968 г.

Уникальная провокационная операция "Крымская Калифорния" прошла на глазах всего мира. Никто не посмел усомниться в том, что ЕАК стал "националистическим центром международного сионизма" и готовил "государственный переворот", а потенциальный кандидат в президенты КЕР Соломон Михоэлс "возглавил сионистский заговор". Это был колоссальный гипноз, в который поверили даже Бернард Шоу и Герберт Уэллс, Анри Барбюс и Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер и Бертольд Брехт...

Казалось бы, эти бредни канули в Лету вместе со своими хозяевами. Ан нет! Вновь из покрытой толстым слоем пыли, насквозь пропахшей нафталином печальной истории пытаются извлечь дивиденды злобные антисемиты и их пособники.

...Товарищ Сталин сыграл свою партию. Товарищ Сталин не любил проигрывать. На очереди было "дело врачей". Адская машина продолжала свой кровавый бег.

Но это уже другая история.

США
Опубликовано в газете
"Еврейский мир"

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:

www.odessitclub.org

Инна РУДИ

РЕКС

Первомайск — это городок, в котором всегда лето. И не потому, что он расположен в какой-нибудь Африке, а потому, что находится в детстве. Я ни разу в жизни не была там зимой, поэтому там всегда лето. Начинается Первомайск всякий раз ранним-ранним предассветным утром за окном вагона, начинается прямо от вокзала, где уже стоит на пустой платформе свежеемытый и свеженаглаженный строгий дедушка, который почему-то свой пиджак называет тужуркой, неукоснительно соблюдает режим дня, и с которым уважительно здороваются каждый встречный-поперечный.

Сразу же по дороге к дедушкиному дому, дороге, которая зачем-то снилась весь год, — все то, что называется "Первомайск", проникает в тебя сквозь поры, дыхание, глаза и уши: все эти заборчики, по которым вьются разноцветные выюнки, все эти нависающие ветки буйных шелковиц, среди которых белая кажется вкуснее, потому что дома только черная; и приторно-пахучие шапки розовых флоксов, которые ты не прочь слопать от восторга, хоть никогда и не пойдешь на такое кощунство; и разлитый над лебедой и крапивой запах очень пресной речки с болотистым дном и шустрыми головастиками; а за деревянными воротами, прямо вдоль беленой боковой стены любимого дома — живая арка виноградной аллеи, где свисают огромные, но совсем еще зеленые гроздья "дамских пальчиков" — и ты знаешь, что снова не доведется попробовать их, ведь они созревают лишь осенью. А в Первомайске бывает только лето.

Когда тебе 10 лет, тебя еще не пускают одну на речку, зато можно целыми днями пропадать у друзей — лишь бы это было "на свежем воздухе", и с обязательной вмятой долой в часы семейных трапез и непререкаемого послеобеденного сна. В то лето я особенно подружилась с Фимкой — своим двоюродным дядей, который был старше меня всего на год. Я никак не могла понять, почему этот конопатый пацан с огромными пушистыми ресницами считается моим дядей, — но в сущности, это не имело значения, все население этого местечка было либо нашими родственниками, либо соседями.

Впервые оказавшись в мальчишеской компании Фимкиных товарищей, я изо всех сил старалась быть с ними на равных в их обычных "подвигах" — лазаньи по деревьям и игре в футбол, и лишь в одной игре я чувствовала некоторое превосходство: мы играли в войну, и я была медсестрой. Главная прелесть игры состояла в том, что в конце Фимкиного двора стоял деревянный сарай с плоской чуть покатою крышей, на которую мы забирались, — мальчишки со своими "автоматами", "пулеметами", "командирским пистолетом" и "гранатами" (ими были перегоревшие лампочки, которые можно было метать с крыши, чтобы они со звоном "взрывались"), а я со своими скляночками, кусочками ваты и бинта, которым перевязывался очередной "раненый" (ранение, как правило, случалось в голову — так красивее смотрелся намотанный бинт), — и эта крыша была то высотой, которую мы защищали от врага, то дзотом (точного значения этого слова я тогда не знала, но звучало оно по-военному — со скрежетом), в общем, — она была нашим местом военных действий, нашей родиной, нашим домом.

Но ежедневно возникало одно серьезное препятствие, чтобы начать, а затем закончить любимую игру: у самого сарая на длинной цепи бесновался Рекс, хозяйский пес. В каждом доме, вернее, в каждом дворе при доме жила своя сторожевая собака. Она громким лаем оповещала хозяев о приближении чужака, но обычно быстро успокаивалась, видя, что хозяева принимают гостей

как своих. Не таков был Рекс. Я ни разу в жизни не видела столь злобного и свирепого пса: он не лаял, а изрыгал оглушительные рыки, от которых стыла кровь, он всем своим могучим серо-коричневым телом с отливающей короткой шерстью рвался с цепи, передавливая собственное горло ошейником, — и тебе невольно виделась ужасающая картина: толстенная цепь лопается, либо глубоко вбитый кол, удерживающий ее, выскакивает из земли —

Фото Александра Синельникова

и это чудовище разрывает тебя на части. Он никогда не замолкал, покада в доме были чужие, но даже из домашних он подпускал к себе только Фимкину маму — хозяйку, — и то лишь позволяя ей поставить перед собой миску с едой. Поэтому всякий раз нам приходилось просить Фимкину маму постоять возле Рекса с миской, чтобы мы могли забраться либо слезть с крыши, а если ее не было дома — игра откладывалась до ее прихода. Но именно Рекс придавал нашей игре особую остроту: забираясь на крышу, мы тащили за собой свои дрожащие поджилки, будто и в самом деле прошли сквозь тяжелые бои, а во время игры его громоподобный лай заменял нам вражескую канонаду и создавал атмосферу опасности.

Время ужина наступало внезапно, как нежданная засада в глубоком тылу. Приходилось возвращаться домой, потом гулять уже не выпускали, укладывались рано, не читать разрешалось сколько угодно — и среди зачитанных дедушкиных книг я, конечно же, выбрала сборник рассказов о войне. Это было словно взаправдашнее продолжение нашего дневного сражения, а назавтра воображение подпитывалось прочитанным накануне.

Один из рассказов потряс меня до глубоких, долгих, тихих слез в подушку. Его название, как и имя автора, потонуло где-то в теплой и темной бездне южноукраинской ночи, плотно укутавшей крошечный кукольный городок, словно присмирившего ребенка. Сюжет этого рассказа был необычен: измученного пытками советского офицера гестаповцы бросили на ночь в камеру, где на длинной цепи была привязана немецкая овчарка, натасканная на то, чтобы не давать заключенному ни спать, ни тем более лечь. Он мог только стоять, вплотную прижавшись к стене, — иначе длина цепи позволяла собаке достать и загрызть его. Это была верная и жуткая смерть: он бы не устоял на ногах и нескольких часов. И вот этот обреченный человек начал разговаривать с собакой — разговаривать ровно, спокойно, ласково, не останавливаясь. Это вызвало у зверя неопишемую ярость, и долгое время все слова тонули в грохочущей

лавине лая. Наконец, собака от усталости и изумления замолкла и начала прислушиваться. Но при первой же попытке человека чуть-чуть согнуть колени — все началось сызнова. Так продолжалось долго-долго: человек по сантиметрикам отвоевывал себе возможность еще немного сползти по стене, приступы собачей ярости становились все короче, и часа через два пленный уже сидел на полу, а овчарка глухо рычала. Наутро гестаповцы обнаружили на полу возле дверей камеры целого и невредимого пленного, спящего в обнимку с собакой. Расстреляли обоих. Все.

Укрывшись с головой и вжавшись в подушку, я все плакала и плакала, — а чувство трагедии все росло и росло. Я только не могла понять — как стала известна эта история, если все пленные, побывавшие в этой

нибуть перестанет так ненавидеть меня, — и я заговорила.

Дальше все случилось, как в книжке: первые же мои слова вызвали у него новый прилив сил и ярости, даже голос приобрел прежнюю зычность, — а я все говорила и говорила: какой Рекс хороший, как ему тоскливо сидеть на цепи, как его никто не любит, кроме меня, какой Рекс замечательный, и как мы будем с ним дружить. Это длилось бесконечно. И вот — в его лае появились крошечные перерывы, он уже не лился сплошным потоком и, наконец, он умолк и стал слушать! Я не поверила собственным ушам и так обрадовалась, что чуть не замолчала, — но все же продолжала ворковать ему с особенной нежностью. Он удивленно наклонил голову, топорща уши, — и я решилась сделать первый маленький шагок навстречу.

Фото Александра Синельникова

Все началось сызнова, началось с той же яростью, ненавистью и энергией. Я вдруг с ужасом ощутила страшную усталость: я устала от страха, от напряжения, от долгого стояния на одном месте, оттого, что впереди еще огромное расстояние, из которого я прошла лишь один шагочек, и неизвестно — удастся ли пройти остальные. Но еще с большим ужасом я поняла, что обратного пути нет, что теперь нельзя уйти, нельзя сделать даже небольшой перерыв в разговоре и в движении к нему — тогда он возненавидит меня бесповоротно, окончательно и больше всех на свете. И еще одна тревога мучила меня: теперь я боялась, что кто-нибудь вернется домой, поднимет панику и разрушит мой безумный эксперимент. Да еще накажут ни в чем не повинного Рекса.

И я продолжала. Трудно сказать, сколько времени все это длилось: мой неумолкающий до сипоты говор, мои шагочки — как только Рекс умолкал, слушал и все больше дивился, но тут же начинал грохотать снова... Это длилось вечность. Все было, как в книжке, но я забыла о книжке, проживая реальность в каждой ее выпуклой и осязаемой секунде. Не отрывая взгляда от глаз Рекса, я отчетливо видела и каждую волосинку в его шерсти, и каждый камешек под ногами, и каждую цепку его будки, и каждое движение толстых звеньев его цепи.

Наконец, я стояла перед ним на расстоянии вытянутой руки и знала, что теперь нужно его погладить. Трудно было решиться на это. Вообще-то, со всеми собаками прежде у меня быстро и легко устанавливались дружеские отношения: я их любила, и они любили меня. Но тут я как-то почувствовала, что Рекса никто никогда не гладил, и реакция его непредсказуема. И медленно протягивая к его черному носу свою руку для обнюхивания, я вдруг впервые в жизни увидела, какая у меня маленькая ручка, и какая я сама маленькая (до этого дня я, разумеется, считала себя вполне большой). Рекс опасливо нюхал мою руку и вопросительно смотрел: он не знал, что ему делать с этой рукой, ведь запах мой ему и так давно известен.

"Видишь, Рекс, это моя рука, она

может двигаться туда и сюда, — приговаривала я, постепенно поднимая руку к его лбу, — а сейчас ею тебя поглажу, это совсем не больно, это даже очень приятно, и ты поймешь, как я тебя люблю, какой ты хороший, как это замечательно, когда тебя гладят по голове..." И вот, опустив руку на его голову, я стала гладить его в том же размеренном ритме, что и говорила. От этого прикосновения к его твердому широкому лбу, к жесткой шерсти, не знавшей ласки, — сердце мое чуть не лопнуло от любви и жалости, я поняла, какой огромный барьер он одолел, доверившись моей руке, весь страх вдруг куда-то улетучился — и я стала гладить его двумя руками уже без всякого ритма, и слова, которые я придумывала всю долгую дорогу к нему, теперь полились сами собой легко и любовно.

И тут Рекс кинулся на меня — кинулся и стал облизывать с ног до головы, и прыгать, и вилять хвостом, и вся его бешеная энергия рванулась из ненависти в небывалый восторг.

Я была потрясена. Быть может, впервые я узнала счастье. Если я совсем не думала об этом, я только жалела, что у меня нет с собой ничего вкусенького, чтобы дать Рексу.

Нужно было уходить: с минуты на минуту могли вернуться хозяева, меня уже жаждали дома, и кроме того, я устала до полного изнеможения. Нужно было уходить — и невозможно было уйти, невозможно было оторваться от этого впервые изданного доверия и любви. Я еще и еще раз погладила Рекса, попрощалась с ним, сказала, что завтра снова приду, — он слушал меня всем своим существом — и помчалась домой, заново переживая случившееся.

На другой день при первой возможности я побежала к Фимке — как-то встретит меня Рекс? не забыл ли он меня за одну ночь? На этот раз все были дома, новым было только одно: когда я приблизилась к забору с калиткой, — никто не залаял. С тех пор Рекс никогда больше не лаял, если я заходила в их двор, для него мир распался на две части: весь огромный, чужой, враждебный и ненавистный мир — и я. Волнение и трепет заполнили всю мою жизнь до конца лета. Я страшно боялась, что кто-нибудь догадается о нашей тайне. Мне могли запретить подходить к Рексу, а самое ужасное — его могли наказать, с дворовыми собаками вообще обращались сурово, а уж с таким "зверьюгой" в особенности.

Я больше не хотела играть в войну с мальчишками. Игра отличная, но теперь, если бы мы забирались на крышу сарайчика, — все бы увидели, как Рекс кидается ко мне с лаской, и я придумала какую-то другую игру в другом месте. Лишь однажды Фимкина мама что-то заподозрила: "Я даже не заметила, как ты вошла, — сказала она мне, — и Рекс не залаял...". Я ответила, мол, наверное, заснул, — и Фимкина мама не придала всему этому значения. А я улучала каждую минутку, каждую возможность, чтобы незаметно пробраться в конец двора к Рексу. Иногда мне везло, и я приходила, когда никого не было дома, — и тогда мы с Рексом вволю резвились, играли друг с другом, и теперь я уже не была такой глупой, и приносила ему печенье или котлетку, или что угодно и кормила его с рук — никто в мире не мог себе этого позволить, даже Фимкина мама.

Лето кончилось, я уезжала. Прощаясь с Рексом, я изо всех сил старалась объяснить ему, что меня не будет долго-долго, но я обязательно приеду следующим летом, и мы снова будем дружить и играть. Нестерпимо было думать, что он решит, будто я его бросила. Рекс слушал меня, как всегда, всем своим существом и верил.

Через год я подошла к калитке Фимкиного двора и услышала грозный лай. "Забыл... забыл меня... Или не простил..."

Но это был не Рекс. В конце двора возле той же будки был привязан какой-то черный крупный пес.

Я спросила. Оказалось, Рекс все же разорвал свою толстенную цепь и покусал кого-то. Его застрелили.

«ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА»

Во Всемирном клубе одесситов благодаря поддержке члена клуба Евгения Деменка начал работать клуб молодых литераторов. Знакомим читателей газеты с творчеством нескольких членов нового клуба.

Марина МАРТЮШЕВА

Паралельний світ

Я живу в паралельному світі,
Там, де проліски в січні цвітуть,
Де промінням ранковим сповита
Неосяжна неходжена путь.

Я живу в паралельному небі,
Там, де я не зустріну землі,
Тільки хвили здіймають на гребінь
Нескоренні мої кораблі.

Я живу в паралельному щасті,
Що живе в паралельних світах,

Де життя необачно розп'ясти
Неможливо в бездушних словах.

Я живу в паралелі любові;
Перетину у неї нема
З тим земним і загубленим словом.
І, здавалося, майже дарма

Намагалася я перетнути
Ті дороги, що час дарував
Не мені. Тільки важко забути,
Тільки важко прожити без прав.

Знаю, інколи все неможливе
Може бути. Безмежність пустель...
З паралеллю — коханням щасливим —
Перетнулась моя паралель.

Алена ЩЕРБАКОВА

Ситар

Душа как кочевник —
ей мало безветренной плоти,
Пасти пустыни и невесомости моря.

Колчан ситара звуком налит и плотен
Пружиной огненных стрел,
раскрученных в моно.

Ты сам на луче, на пределе,
протянутом в пропасть
Космических степей, так высоко взлетая,

Как из себя не выпасть и не растаять,
Как на летящем луче
удержаться... — образ

Вечности в диком нежном сердце ситара,
Как золотая точка на красном фоне —

Звучит неуместимо,
ошеломленьем одарит,
Схватит, как заклинание: Cante Hondo*.

Ловцы отражений, отсветов,
как пришельцы
Из формулы — в поле безвременья,
только шелест

Нам согреть в ладонях, шок совпадений
И шелк паденья —
обратный отсчет предела.

* Cante Hondo — на древнем языке
Глубинная Песнь

Юлия МЕЛЬНИК

Зачем спешу я отвечать?..

В зимнем дне —
намеки на весну,
Еле слышные,
как снег — сквозные...
Веткой вздрогнут,
синькою блеснут,
Превратятся
в птичьи позывные...

Пробирается на ощупь
день,
Натыкаясь
на седые вещи...
По колено
в тающей воде —
Словно желторотик —
ворон вещей...

И забыв — куда, зачем,
к кому, —
Я снимаю шубу
в коридоре
И гляжу
в захлопанную тьму,
Пахнущую йодом,
словно море...

Часы, наверное, спешат,
Когда слова
неосторожны...
Куда вернее — снегопад,
Что медленные хлопья
крошит.

Свераясь с ним —
верней молчать,
Сплетаясь с ним —
как с веткой ветка.
Зачем спешу я отвечать,
Когда сама —
ищу ответа...

Если пуститься
не в свой путь,
Все убыстряя
упрямый шаг,
Будет один из ветров —
дуть,
Но не попутный, а так —
сквозняк...

Как не спешу —
он в лицо, вкось,
Как не проси —
он сырой, злой...
А на углах:
"Обожди. Брось..."
Будет чуть слышно
шептать — мой.

Георгий РЯБОЙ

Чувство съеденного человека

Вам оно непременно знакомо. Оно владеет вами, когда вы получаете паспорт, когда празднуете свой день рождения, когда ежедневно заходите в общественный транспорт. Его слащавый голос властно обнимает душу:

— Поздравляю. Вы съедены. Вписаны в нормы, формы и планы. Вы подавлены собственным бессмысленно потраченным временем.

Временем?

Судьбоносная (а скорее — роковая) роль колеса в жизни человека. Тысячи тысяч живых и умерших изнутри переворачивают его, и с грохотом просыпающегося города, стуком печатей, звоном колокольчиков... Вот оно! Катится и находит новую живую силу.

В раскаленных сознанием лучах заходящего солнца я вижу первое колесо. Я не чувствовал Его при рождении — тогда оно раздавливало других, но со временем я сам оказывался уничтоженным Его мощью.

— Поздравляю, вы стали крестным сыном... Поздравляю, вы перестали быть правнуком... Поздравляю, вы стали дядей... Поздравляю, вы нашли друга... Поздравляю, вы нашли второго друга... Поздравляю, вы влюбились... Поздравляю, вам отказали (= Поздравляю, вы нашли подругу...). Поздравляю, вы съедены.

Я съеден колесом истории моего рода.

Имя второго колеса — государство. Я никогда не был знаком с государством, но и его я узнаю по душевной атмосфере холода, веющей от дверей кабинетов чиновников. Чиновник — профессия, а не черта характера. Мне приходилось общаться и с добрыми благожелательными государственными служащими. Но даже если эта девочка с нежно-голубыми и веселыми глазами наконец-то закрывает потолокстевшую папку с Твоим делом, по одной ее улыбке понимаешь:

— Поздравляю. Вы съедены.

Я прихожу домой с новой бумажкой. Добавляю ее к сотне других "жизненно важных". Где бы я был без них? На улице, в пехоте, в грубу?.. А я — живой, и радуясь жизни, жмущуюсь от солнца!

Я съеден колесом истории моего государства.

Чем дальше я ухожу от моря, тем громче металлический грохот третьего колеса — суеты. Оно заглушает мои мысли и чувства; от Его неуспынного "Делай!" меня ежесекундно разбрасывает на сотни частей в десяти местах одновременно. И тогда я в вопле возмущения изрекаю Слово.

Колесо суеты:

— Так вы еще и говорить умеете? Поздравляю. Вы съедены.

Я вырежу свои мысли, спроецированные на лист газетной бумаги суетным стремлением к вечности, и вставлю их в золотую рамку. Повешу на стене — как повод для гордости первому колесу.

Но ведь это — не жизнь...

А она, настоящая, где-то рядом, в тебе, вне тебя, но Ты ее не видишь. Она есть, я знаю, чувствую и...

В порыве остановить колесо времени я бросаю под него то, на что хватило сил моей душе, — молитву, стихи, песню.

— У вас есть Святыня? Поздравляю. Она поправа. Вы съедены.

Я съеден колесом истории жизненной суеты.

Три колеса истории, три силы, три демона моего сознания. Они существуют лишь настолько, насколько я наделю их смыслом. Их нет вне меня. Покорные моей воле, они отступают, исчезают, растворяются в полуночном тумане, которым были рождены.

Я — человек. Как это мало. Насколько я бессилен перед созданиями моими. Вы возразите мне: "Но ведь и ты — создание..."

Я — человек. Как это много.

Валерия РЕПИНА

Я смотрела на небо
и не видела звезды,
Я стирала печали
черным ластиком ночи,
И для новых надежд
слишком глупо и поздно,
Раньше был только ты,
раньше не было прочих.
Все смысляет дождем,
словно пыль на асфальте,
И дома замирают, одетые в сырость.
Выбирала любовь,
словно новое платье,
Выбирала, как будто на завтра,
на вырост.
Свечи жгла, улыбалась,
чтоб просто присниться,
Чтобы стало все сразу
светлее и проще,
Засыпала сама,
сон был пуст и заброшен,
Как осенний трамвай, в ночь 11.30.

Мягкой поступью ночь по улице,
Заползает змеею в ставни,
Не обмолвится, не оступится,
Сны бросая, как в воду камни.

Темнотой переулки давятся,
Листья шепчут о чем-то важном.
Пусть не нравится, ночь останется,
Растворится сегодня в каждом...

Нереальность происходящего
Мыслями бьет в висок,
Я понимаю, сейчас у неспящего
Больше шансов проснуться в срок.

В темноту. Опустив ресницы,
Ускользая от камер слежения,
У себя втихаря отпроситься
На свой собственный
день рождения.

Затеряться в холодных буднях,
Чтоб толпой, как в снегах занесло,
Я не знаю, что завтра будет,
Если завтра давно прошло.

Елена МИЛЕНТИ

У бочки были выпуклы бока,
И сумраком сиреневым окутан
Был каждый обруч. Трепетно века
Неслись над полем выгоревшим, скудным.

Дышала бочка плавно и легко,
Она хранила мысли Диогена...
Вода, похожая на жидкое стекло,
В ее плену дремала, как морена.

И там, где обрывался горизонт,
И в землю лезвием врезался вертикально,
Волнообразно колыбался перезвон
Сухой травы над сопкой безымянной.

А ветер нес забвенье и покой
Веков, забывших всех своих героев,
И в землю бочка проросла слезой,
Обкатанной доской ковчега Ноя.

Ветвей графический рисунок
Как никогда сегодня четок.

И солнце черпает из лунок
Останки снега — рыхлый хлопок.
Земля парит, и деловито
Шагает ворон вдоль посадки,
И льется небо через сито
Ветвей на вспаханные грядки.
Зима еще — по всем канонам,
Но как-то дышится свободней,
И рвут лазурь акаций кроны,
И небо кажется бездонней.
По улыбающимся лужам,
Срывая пласт хрустящей корки,
Монетой новой солнце кружит,
С зенита скатываясь горки.

— Столько надо будет сделать, мы все должны обсудить, я еще не могу себе представить...

— Что?

— Нас с тобой.

— Ты не хочешь на мне жениться? Так бы и сказал.

— Ты же знаешь, что только этого я и хочу с тех пор, как тебя встретил.

Я не сомневалась в таком ответе. Ведь каждый мужчина понимает, что конкуренты не дремлют, а девушка — существо капризное и непостоянное. Другой возможности меня заполучить может ведь и не представиться.

— Тогда давай поговорим о нашем светлом совместном будущем. Где мы будем жить?

— Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Я не говорил тебе, что купил квартиру, думал сделать сюрприз. Хотел отремонтировать ее и показать в самом лучшем виде, но раз уж вопрос встал так остро, поехали, посмотрим?

Насчет незадачливого я, похоже, погорячилась.

Подозрительно знакомый маршрут. Только не говори, что мы сейчас свернем на эту улицу... Да... А теперь не сюда ли? Ох... Как некстати всплывает старательно забываемое прошлое,

словно приоткрывается наглухо заколоченная дверь в самый запретный лабиринт сознания.

— Проходи. Я совсем недавно ее купил, так что не успел выбросить хлам, оставленный прежними хозяевами. Не знаю только, как быть с картинами. Они мне нравятся.

Хлипкая дверь распахнута настежь, и я врываюсь в мою картинную галерею, воскресшую так неожиданно и властно.

Изысканные, загадочные темно-рубиновые этюды! Наши первые встречи, с болью и страстью выписанные под тягучую мелодию томления.

Легкие прозрачные акварели, восторженные, как Твоя музыка, изящные мелодии скрипки. Открытые окна в летние сумерки, зажигающиеся в домах огни, нежный ветер, треплющий волосы, и вечная неумная молодость.

Строгие четкие гравюры, старательно продуманные с бесконечной терпеливостью. Кропотливый ежедневный труд, выполняемый вдохновенно, и потому не приводящий к безликой усталости.

Застывший мир, прекрасный, но — увы — безнадежно иллюзорный.

Поворачиваюсь, быстро иду к выходу. Запирать дверь уже нет необходимости.

— По-моему, они обветшали. Надо их снять. Может быть, я напишу другие.

Эрик ГЕРНЕТ

ДАНИИЛ ХАРМС В КРУГУ ДРУЗЕЙ НИНЫ ГЕРНЕТ

Писатели, сотрудничавшие в "Еже", журнале для школьников, — Хармс, Олейников, Шварц и другие, — решили, что младшим школьникам и дошкольникам нужен свой, особый журнал. И в 1930 году начал выходить "Чиж".

О редакции "Чижа" до сих пор ходят легенды: это был скорее литературный клуб, чем редакция журнала; здесь царил необыкновенная, невиданная ни в те годы, ни тем более в последующие, веселая и творческая атмосфера. Писатели, поэты, художники заходили на минутку — и оставались до вечера. Приносимые ими строчки, эскизы, наброски, смутные идеи тут же подхватывались, дополнялись и нещадно пародировались. Шутки, выдумки, розыгрыши возникали сами собой, как бы выпадали в осадок из пересыщенного ими раствора, и надо было только успевать выхватывать из потока идей то, что могло пригодиться для детского журнала.

Этим и занималась вся редакция, и в первую очередь, ее хозяйка, заведующая Нина Владимировна Гернет (1899–1982). На этом посту она находилась с 1932-го по 1937 год, и именно на этот период приходится существование в редакции той необыкновенной атмосферы, о которой вспоминали все, кому доводилось в нее окунуться.

Это, конечно, не случайное совпадение: Гернет была потомственной, в четвертом поколении, одесситкой, и на лету подхватывала любую шутку. Она очень любила детей, как никто понимала их и прекрасно знала, чем их увлечь и порадовать. И наконец, держась очень скромно в тени, она уверенно управляла этой, казалось бы, стихийной вольницей блестящих талантов, собиравшихся в редакции, подталкивая шутками, остроумными репликами их творчество в нужном для журнала и его маленьких читателей направлении. В немалой степени именно ей принадлежит заслуга создания в редакции той легендарной атмосферы.

Хозяйка она была строгая. Когда от Хармса срочно требовались стихи для подписей к рисункам, она записала его в комнатке и не выпускала, пока он не выдавал то, что нужно. И в то же время среди дня она вдруг говорила: "Ну, отдохнем! Музыкальный антракт". И начинались песни. Обычно Даниил Хармс, Эстер Паперная и она — это была у них, как говорила Эстер, "песенная платформа", — пели старинные, солдатские, матросские песни, шуточные. Эстер Соломоновна рассказывала мне, что очень многим песням их научил именно Даниил Иванович.

В круг близких друзей Нины Гернет входили, прежде всего, ее подруга Ксения Шнейдер (1900–1971) с дочерью Галей (потом писательница-музыковед Галина Левашева, 1924–1989), Лев Васильевич и Всеволод Васильевич Успенские, Эстер Паперная и — Даниил Хармс. Приходить к нам в дом он стал позже других, — когда мы переехали в мансарду на Петроградской стороне. Перед окнами была крыша, на которую чрезвычайно удобно было вылезать летом и беседовать на свежем воздухе, вдаль от ушей соседей.

Но первые мои встречи с Хармсом относятся к более раннему времени, еще дошкольным моим годам, когда в Доме писателя проводились детские утренники, и перед детьми выступали писатели и поэты.

Один из них — тогда я, конечно, не запомнил, но потом мне сказали, что это точно был Хармс, — сказал: "Я очень люблю немецкий язык, поэтому прочту вам стихи по-немецки. Но вы — умные дети и, надеюсь, поймете". И начал читать Чуковского: Жила-была мышка Мауси. И вдруг увидела Котауси...

Для детей тогда все эти "глазауси" и "зубауси" звучали достаточно по-иностранным, а в то же время почему-то было понятно. Конечно, дети были страшно горды, что они такие умные, и можно было дома похвастаться: "Знаешь, мама, нам читали стихи по-немецки, а я все понял!". Такой розыгрыш — вполне в хармсовском духе — поднимает у детей самоуважение, укрепляет веру в себя, — а это для них очень важно.

Когда ходили друг к другу в гости, — а это тогда любили, и ходили часто и легко, — в этом кругу было принято делать какие-то сюрпризы: стихи или шараду, маленький подарочек, надпись на книжку, розыгрыш — ну хоть что-нибудь. Как-то была у мамы Ксения Шнейдер, и ожидали Хармса. Чем бы его удивить? (Вы же знаете, это было весьма нелегко!) А у него в одном из бесчисленных карманов френча хранилась серебряная, с эмалью, стопочка, из которой он иногда пил в гостях. И мама решила: составить этой стопочке компанию. У нее был набор — шесть ножей и шесть вилок с красивыми рогами ручками, но размера просто страшного, гигантского — вдвое против обычных столовых приборов. Пользоваться ими нормальному человеку было невозможно. Так чем зря лежать, пусть нападают Хармса! Положили пару их, нож и вилку, на стол, и когда пришел Даниил Иванович, ему их подарили: "Пожалуйста, носите с собой!".

Хармс совершенно серьезно поблагодарил, воткнул эти чудовищные инструменты в какой-то из нагрудных карманов (как ни глубокий карман, те все равно торчали) и походил так минут двадцать. Потом сказал:

— Извините, Нина Владимировна, но я буду с ними ходить только к вам и к Ксении Николаевне, потому что вы их уже знаете. А другие могут подумать, что я людоед!

И действительно, пару раз он приходил с этими ножом и вилкой в кармане.

Со временем от этого набора сохранилось в доме только два ножа, которые так и называются "хармсовскими".

В доме у Гернет музыкальных инструментов не было. Пели так, а capella. А у Шнейдер было пианино, потому что Галя занималась музыкой. И когда Хармс в первый раз пришел к нам домой, Галю выпустили продемонстрировать ее коронный музыкальный номер. Это была как бы сюита из детских стихотворений Маршака "Детки в клетке", которые Галя положила на взрослую музыку; там были мелодии из "Кармен", "Кукарача", марш Дунаевского,

го, шансонетка, революционный марш, блатная песня и т. п. Получалось очень смешно.

Галя дрожала (ведь Хармс!), но исполнила. Даниил Иванович, как всегда, не смеялся и сидел с мрачным, сугубо мрачным видом. Галя кончила, совсем убитая (не понравилось!), Хармс выдержал большую-большую паузу, потом произнес:

— Боже, как разнообразен Маршак!

В коммунальной квартире, где мы жили, наши комнаты были последними в конце длинного коридора. Для какой-то игры — в самолет, что ли, — я натянул вдоль коридора, как можно выше, крепкую нитку. Пришел Хармс, увидел нитку и тут же обыграл ее, сказав: "Я — троллейбус", зацепился ухом за нитку и так "проехал" по коридору до самой маминской комнаты. И потом, пока висела эта нитка, он и еще Всеволод Успенский (только им двоим она была по росту и к тому же по вкусу), приходя к нам, цеплялись нитку ухом и ехали "троллейбусами" по коридору. Они и сами играли с удовольствием!

Как создаются мифы. Этот рассказ я записал на пленку для одного очень уважаемого мною хармсоведа. А через несколько лет с удивлением прочитал в его книге, что нитка стала наклонной, и бедному Хармсу пришлось нагибаться все ниже и ниже и войти в комнату вообще на четвереньках! Потом были извинения: "Редакторам показало так интереснее, а я не проследил", — но книга-то уже вышла, и миф пошел гулять по свету.

Нина Владимировна этого бы не допустила. При съемках фильма "Пропал дракон" режиссеры так много изменили и насочинили отсбятны, что совершенно был искажен авторский замысел, погублена сама идея сценария. Несмотря на все требования, снято было все-таки не по авторскому, а по режиссерскому сценарию. Тогда Нина Владимировна настояла, чтобы было изменено название фильма и сняты имена авторов с титров: "Это не мое, и моего имени здесь быть не должно!".

Напротив, когда имя Хармса было опущено в списке авторов подписей под рисунками "Рассказов в картинках" Н.Э. Радлова, Нина Гернет разразилась потоком гневных писем во все инстанции — издательство, главк, Союз писателей, "Литературную газету"... Имя Хармса было восстановлено во всех последующих изданиях и в переводах на другие языки. Копии переписки подобного рода она сохраняла в папке с многозначительным заголовком: "Вот я вас!".

Хармс и сам создавал о себе мифы. Так, он говорил, что когда совершенно пьян, то не может произнести слово "фанданго", и получается "фангнада".

В "Чиже" было принято проверять материал, идущий в номер, на живых детях — в детском саду, школе, лагере, — чтобы посмотреть, как они реагируют на стихи, рисунки, что им интересно, что не очень. Ничего подобного, кажется, нигде больше не было; зато и журнала, подобного "Чижу", тоже не было. И вот на таком выезде — участвовали Хармс, Эстер Паперная и художник Борис Семенов — Хармс выходит к детям и спрашивает:

— Дети, а вы знаете, что такая фанг-фан-гнада?

Паперная вспоминала потом, что Семенова чуть не хватил удар, он

весь согнулся, да и она недоумевала: когда это Хармс успел так написать? Дети закричали:

— Нет, не знаем! Не знаем!

— Ну, и я тоже не знаю, — спокойно сказал Даниил Иванович и стал читать стихи про хоряка. Это он просто мимоходом разыграл своих товарищей.

На каком-то заседании, когда уже тошно стало от скуки, по рукам пошла записка на листке из крошечной записной книжки Хармса: "Фангнада просится наружу. Предупредил Хармс".

Об этой книжечке упоминали многие; там он записывал всякое, вроде: "Не будем ставить дошкольника носом во главу угла" или "Я отнес этот требник "Красная Шапочка" в столярную мастерскую, но там ничего не поняли".

Несколько таких листочков с записками Хармса сохранилось и в архиве Нины Гернет. И еще клочок бумаги побольше, с черновиком стихотворения "Молодец-испечец", написанного для мистификации редакции "Чижа", которую они с Ниной Гернет устроили вместе: она написала нарочито глупое письмо, а он сочинил к нему нарочито бездарные стихи. Об этом Нина Владимировна рассказывала на вечерне памяти Хармса в Москве в 1976 году, и текст этого выступления, восстановленный по ее заметкам, напечатан в журнале "Нева" № 2 за 1988 год. Там же рассказано, как они с Хармсом в Петергофе (там было тогда что-то вроде Дома творчества) сочинили вдвоем целый номер "Чижа" — полностью пародийный.

Стихотворение Хармса "Из дома вышел человек", столь известное сейчас, появилось в первый раз в "Чиже" № 3 за 1937 год и принесло, как пишет Гернет, "детям много радости, а автору (и редакции) — большие неприятности".

Слова "И с той поры исчез" попали на глаза кому-то из начальства и вызвали его благородное негодование: "В советской стране человек исчезнуть не может!" (это в 1937-м!), и не только "нам долго нельзя было печатать стихов, написанных Д.И. Хармсом" (Гернет), но и редакция "Чижа" была разогнана, и сама Н.В. Гернет была снята с заведования (об этом она умолчала).

Потом эти стихи были напечатаны в книге "Даниил Хармс. Что это было?" ("Малыш", 1967), с открыто названными фамилиями авторов. В сравнительно недавние годы эти стихи как классические были включены в школьный учебник тиражом 4 миллиона экземпляров; Никитины положили их на музыку... А Гернет использовала их в своей последней большой пьесе "Принтипрам" — спектакле для детей по стихам Хармса.

Но — почему Хармс? Ведь она уже была признанным классиком кукольной драматургии с мировым именем, сочиняла пьесы на темы народных сказок — русских, европейских, восточных. И вдруг Хармс — это же совсем другой стиль!

Первую постановку "Принтипрама" еще при жизни писательницы осуществил Московский областной театр кукол. В письме завлиту этого театра Б.П. Голдовскому она как раз отвечает на этот вопрос.

"Почему мне было нужно и важно написать о Хармсе? Да потому, что он великодушный детский поэт, по моему, стоит рядом с Маршаком и Чуковским... Между тем, по моему

мнению, Хармс незаслуженно мало переиздается, и сегодняшние дети меньше знакомы с ним, чем со многими гораздо менее ценными поэтами. Этим мы обкрадываем детей, и я своим долгом считала подарить им Хармса. Многие ведь совсем не знают его!"

Почему это необходимо — дать детям Хармса? Прежде всего — за его удивительные стихи. Они звенят металлом, предельно музыкальны, образны, а главное — поэтичны (далеко не во всех написанных для детей стихах есть поэзия, много просто рифмованной прозы) и запоминаются мгновенно и надолго, что тоже есть свойство талантливой поэзии.

Но Хармс при этом еще — поэт особенный, его не сравнишь ни с каким другим (разве что есть некоторое родство между ним и Козьмой Прутковым). Он обладает особенно тонким, оригинальным, озорным чувством юмора и глубоким, безошибочным знанием детской психологии, а к этому еще — любовью к родному языку, которым он владеет безукоризненно.

Всему этому — и чувству юмора, и любви к слову, к народной речи — он учит своих (в нашем случае) зрителей. В книге Хармса "Что это было?" обратите внимание на цитату из статьи А. Бармина: "Для развития грамматических представлений ребенка одно стихотворение Хармса может дать больше, чем несколько сухих уроков".

Вместе с детьми Хармс смеется над глупостью, трусостью, жадностью, и желая вызвать в своих зрителях те или иные чувства, — попадает в цель безошибочно. Он понимает своего читателя, и тот отвечает ему беззаветным доверием. Восхищается изобретательностью Умной Маши, не верит хвастовству Таксика, радуется выдумке "лечения" кошки — и все время находится под обаянием удивительной, звонкой, веселой поэзии, которую он унесет с собой, уйдя из театра. А если еще прибавить известную всем истину, что в кукольном театре ребенок впервые соприкасается с искусством, — то встреча его с искусством Хармса — счастливая встреча.

Хармс играет словами, как мячиком, и дети с беззастенчивой радостью играют с ним, и в игре этой рождается любовь и интерес к родному языку. Но не только этим ценны озорные стихи Хармса. Дети обожают всякие перевертыши, небелицы, словесные игры — это всем известно. А почему? Потому что они уже хорошо знают, что собаки не летают, как ястребы, что в забор провалиться нельзя и т. д. То, что они-то знают, а вот эти, на сцене, не знают, — повышает уважение детей к себе и своим знаниям, которыми они гордятся. Во "Вруне" они смеются и над выдумками Вруна, и над наивностью его опровергателей. Вместе с этим растет их уважение к знаниям вообще — как хорошо все знать правильно! А если к этому прибавить еще ту радость, которую дают эти игры, необыкновенные хармсовские ситуации, выдумки (в которых всегда незаметно, без всякой дидактики, живет педагогическое зерно), — воспитательное значение его поэзии трудно переоценить. Воспитание средствами игры и радости — ведь это прекрасно!"

Вот такая глубина понимания детской души роднит детскую поэзию Хармса с творчеством самой Нины Гернет.

Евгений НИКОЛАЕНКО РАССКАЗЫ О ГОЛУБЯТНИКАХ Журава

Во второй половине дня снег прекратился. Сквозь небольшие кучевые облака, которые уносились ветром, проглянуло солнце. Старший Журава (прозвище, которое пристало к нему и к его сыну, происходило от фамилии Журавлев), приоткрыл занавеску и жмурясь, взглянул на крышу сарая, где стояла голубятня, сделанная из пропитанных креозотом шпал и обшитая в целях безопасности железом. Несколько голубей искоса поглядывали в голубизну неба. Опытный взгляд голубятника безошибочно определил: ястреб вышел на охоту. Он накинул телогрейку, сунул голые ноги в чулки типа "прощай молодость" и выскочил во двор. "Хозяин" вальяжно прошелся над крышами домов и начал стремительно набирать высоту. Журава пристально просмотрел в небо, и остановившись на небольшой точке в лазурной голубизне, понял: чужак потерял из-за снега ориентацию, и увидев на земле сородичей, взял их как спасительный ориентир. Журава бросил жменю пшеницы, и птицы с хлопьями устремились за кормом. Тем временем ястреб достиг вы-

соты, на которой находился чужак, и сделал несколько резких боевых движений. Голубь сложил крылья и на гладких стал уходить от хищника. Но скорость полета ястреба в несколько раз превышает голубиную. Спасение может быть, если голубь умеет увернуться от стремительного нападения хищника. Разбойник уже выпустил свои длинные ноги, как самолет выпускает шасси, распустил острые когти, чтобы зацепить ими жертву, но увы, голубка сложила крылья и камнем полетела вниз. Ястреб успел развернуться и хотел подхватить падающую птицу, но промазал.

Журава, наблюдавший за воздушным разбоем, облегченно вздохнул. Маленький комочек стремительно приблизился к земле, и только когда оставалось метров десять, раскрылся, чтобы погасить скорость падения. В азарте охоты стервятник последовал за добычей, но та уже была под надежной защитой людей.

— Славка, скорее иди сюда, кобец гоняет чужака.

На крик отца прибежал меньший Журава, предусмотрительно прихватив с собой ружье.

— Если приблизится на выстрел — стреляй, да смотри, не попади

в чужака. Славная голубка, видать, уже не раз побывала в таких передрягах. Смотри, этот урка снова заходит.

Голубка стремительно уходила прямо на голубятню, за ней мчался стервятник. Наконец, увидев открытые двери подъезда, голубка, не боясь людей, залетела в подъезд. Ястреб пронесся, как стрела, вдоль дома, так, что меньшему Жураве, чтобы напугать хищника, пришлось выстрелить вверх, не рискуя зацепить чьи-то окна. Он кинулся в подъезд и через минуту вышел с черной, как смоль, белохвостой голубкой.

— Давай сюда, Славка, посмотрим, что залетело к нам.

Старый Журава взял трясушущую от страха птицу, взглянул на латунное кольцо на лапке голубки и сказал:

— Ты знаешь, что мы поймали? Это же знаменитая Митяша Корчагина смоляная. Неси ее домой, спрячь в ящик. Митяша скоро прибежит со слезами, захочет за любые деньги забрать. Да что там деньги, он за нее жену со всем ее выводком отдаст и всех своих голубей в придачу. Нет, эту голубку я ему не отдам. Прочучу я этого хвастунишку. Наконец-то у меня лучшие

голуби в городе. Летать она на нашем круге не будет, опытная, а вот получить от нее птенцов стоит.

На такой хорошей ноте можно было бы и закончить мой рассказ. Голубка спасена, ястреб улетел, но увы, история имела грустное продолжение. Через час во двор забежал растрепанный и небритый Митяша. Он не обратил внимания на лающих на него собак.

— Журава, ты дома? Выйди, разговор есть.

— Я только с дежурства, хочу спать.

— Выйди, я ненадолго задержу, — настаивал Митяша.

Журава вышел на крыльцо, бросил безразличный взгляд на Митяшу.

— Чего расшумелся?

— Смоляную белохвостую ловил?

— Я же тебе сказал, что я только с дежурства, ничего не ловил.

— Врешь, все видели, что к тебе упала моя голубка.

— Да ты у Клавки моей спроси, я только пришел с работы.

— Она такая же брехливая, как и ты.

Самолюбие Клавки было задето не на шутку. Поговаривали, якобы неудачный роман у нее с Митяшей по молодости случился, который и перешел в ненависть. Случай подвинулся отомстить за поруганную

любовь. Вздвигая Клавка выхватила из-под кровати не успевшую прийти в себя голубку за ноги и понеслась во двор.

— Ах ты ж мудака, это я-то брехливая?

Она несколько раз съездила голубкой по растерянной физиономии Митяши. Журава кинулся забрать из рук разъяренной Клавки птицу, но было поздно, птица была мертва. Клавка безразлично посмотрела на Митяшу и бросила ему под ноги предмет его обожания. Сочно выругалась и так же неожиданно ушла в дом.

Митяша, обессиленный, опустился на колени перед бездыханной голубкой. Его руки дрожали, по небритым щекам катились слезы. Он рыдал так, как, наверное, не плакал бы над своей женой. Потом его лицо искривила странная гримаса, и он повалился на бок. На шум прибежали соседи. Соседка медсестра Люся приподняла Митяшу и крикнула:

— Ну что, жлобня, доигрались? Вызовите же кто-нибудь "скорую", у него инфаркт.

Зимний день клонился к завершению. "Скорая помощь" увозила Митяшу. Старый Журава безучастно смотрел вокруг. Испугано прятался в доме Славка. Клавка рыдала, уткнувшись в подушку. Она хотела отомстить обидчику, но не ожидала, что ей самой будет так больно. Она не могла предположить, что это примет такой оборот. Ведь, по сути, она его до сих пор любила. Странная эта штука — любовь...

Бардин

Много лет назад в городе Очакове жил голубевод по фамилии Бардин. Для того чтобы мы не путались в понятиях об этом предмете, будем называть, как в прошлые века, это занятие деликатно и значимо охотой, а людей, пристрастившихся к этой удивительной птице, — охотниками. Всех охотников необходимо распределить на две больших группы: любители красивой декоративной птицы и лётной, в том числе спортивной. Но я постараюсь рассказать о самой современной породе, лётные-серпастые.

Голуби этой породы появились в городе Очакове во второй половине двадцатых годов двадцатого столетия. К началу войны за свой красивый и виртуозный полет завоевали симпатии многих любителей. С приходом немцев под страхом смертной казни голубей всех пород уничтожили, а в Одессе и Киеве нескольких голубятников просто расстреляли. Причины такого варварства ясны: исключали возможность голубиной почты для связи с партизанами. После войны снова начались работы по восстановлению утраченной популяции, из-за отсутствия материала для размножения пришлось не обращать внимания на окрас. Большинство виртуозных летунов по окрасу рябые, черно-рябые, серо-рябые, красно-рябые, и по сегодняшний день окрас во внимание не берется.

С этого момента начинаются сложности: как рассказать читателю о красоте полета этих птиц, если даже многие охотники, которые содержат летных, не могут в полной мере оценить полет? Это настоящее искусство — вывести такие экземпляры и научить летать. А профессионалов, умеющих это делать, по всей Украине наберется не более десятка. Одним из них и был Бардин из Очакова.

Для того чтобы мне было проще рассказать о красоте полета, сравним это творчество с балетом. Но современный классический балет имеет свою школу, научную базу, театры. А для голубей достаточно опыта поколений и голубое небо. Обратите внимание: разве все любители балета знают такой французский термин, обозначающий движение в балете, — "бризе десю" или "сюрле кудепье". И уж конечно же, еще реже найдете знатока, который понимает, насколько чисто выполнены эти сложные па. Зритель видит чопорного солиста балета, не предполагая, сколько сил и энергии приложил танцор, для того чтобы зависнуть на мгновение

в воздухе и сделать ножницы ногами. Все это можно разыскать в литературе, посмотреть в театре.

Но вы нигде в справочниках не найдете выражения "жох, выворот, на гладких, столб", все это передается из уст в уста на протяжении столетий. Голубю и охотнику, чтобы показать голубиную звезду, необходимо очень много работать. Сегодняшней голубиной столицей остается город Николаев. Основой для большинства популяций послужили николаевские голуби. От них произошли лучшие образцы московского охотника Адабаша, который может поднять одновременно в воздух около тысячи птиц с полетом жаворонка или бабочки. Прекрасно, но ведь если взять за основу балетный термин, — это кордебалет. А в моем случае нужен только солист и звезда.

Николаевская и московская птица стайного полета, она создает только антураж, а вот серпастые — это птица сольного полета. Я могу назвать троих общепризнанных николаевских охотников: Николай Егоров из Богдановки, Вова по прозвищу Лева и Женя с конноспортивной школы. Вот кто выводит звезд, талантливых солистов.

Но вернемся к Бардину. Прошла очередная выставка голубей в Николаеве. Жюри подвело итоги. Официальная часть закончена. Но самое интересное только начинается. Человек двадцать опытных охотников собираются посмотреть в хозяйствах, чего достигли. Нанятый для этой цели автобус подъезжает к дому Бардина. Хозяин жадноват, здесь не слышно запаха шашлыка, которым потчевали в Николаеве, но подготовлен охотник к показу основательно. Дует хороший норд-ост, Бардин поднимает в гору проверенную гвардию. Этим голубей знают все и без восторга наблюдают за кордебалетом в воздухе. Один из охотников спрашивает у хозяина:

— Мне кажется, что твоя сизачка табанит левым.

— Нет, второе перо потеряла.

— Так вырви и с другой стороны.

— Сделаю, не успел.

Кто-то из охотников с нетерпением говорит:

— Бардин, не тяни kota за хвост, пускай свой шедевр. Серую по перу ты не продаешь, третий год тебя прощу, а ты жмешься.

— Ну, чего жмусь? Цену слабую даешь.

— Пятсот тебе мало? Нахал.

— Добавь еще столько.

Бардин успел подготовить ей двойника и теперь собирался подсунуть похожую, да еще и за приличную сумму. Охотник насторожился.

"Белая ворона". Фото Евгения Волокина

— Что-то на тебя это не похоже.

Все загудели. Припомнили последний случай. Местный районный судья, тоже страстный охотник, вел дело отпрыска Бардина, который вскрыл чужую голубятню и вынес всех голубей. Дело было квалифицировано как воровство. Судья в приватной беседе с Бардиным назвал условие освобождения из-под стражи — в обмен на сероглазую голубку. Сегодня таких страстных фанатиков нет. Я так свободно об этом говорю, потому что ни судьи, ни Бардина уже нет в живых. Бардин внимательно посмотрел на судью, сложил вульгарный жест в пол-локтя и сказал:

— Сади, если заслужил — пусть сидит.

— Ты хоть понимаешь, что ты из-за голубки можешь сломать жизнь сыну?

— А мою жизнь ломать можно? Голуби для меня жизнь. Забудем этот разговор. Сероглазую я не отдам.

— Как знаешь.

Охотники припомнили этот случай и были удивлены таким метафорическим в характере Бардина.

Однажды, опасаясь, чтобы его не украли, на ночь он занес голубку

в дом. Воры ради этой голубки разбомбили мощную обшитую железом голубятню. И каково же было их удивление, когда того, что они искали в голубятне, не оказалось. Теперь серая голубка с большими серыми глазами, подкрашенная природой пикантными пятнышками в уголках глаз, зависла с несколькими птицами над домом. Она не сопротивлялась ветру, она играла воздушными потоками, управляя своим телом и пером, как опытный капитан парусным судном. Ветер усилился, несколько птиц стали поджиматься, они складывали крылья, прижимая их к туловищу, и бросались, как спортивные ядро, навстречу шквалу. Бардин кривился при этом и говорил: "Этих надо убирать".

К этому времени молодая голубка сизого окраса достигла средней высоты. Ее можно было разглядеть во всей красе. Красивое с двумя выворотами крыло было направлено перпендикулярно ветру. Мощные воздушные потоки уносили нескольких голубей в опасную сторону моря, откуда возврата нет. Охотники с замиранием сердца притихли. Игра принимала опасный характер.

Почувствовав угрозу, серая

и сизая начали выбираться из опасной зоны. Серая усилила свой жох и медленно, но уверенно добиралась к голубятне. Сизая голубка придумала свой план спасения. Она по касательной поднялась высоко и в сторону, километров за десять, многие потеряли ее из виду. Таким образом, по касательной, голубка, сложившись не сразу, зашла с тыльной стороны, и теперь ветер только сносил ее к дому. Все перевели дух. Красивыми движениями она закончила полет и приземлилась на перелетке.

Конечно же, говорить о цене, за которую хочет продать Бардин сизую, никто не решался. Это вся жизнь охотника. Ведь таких, как Петипа, Бурнонвилль, Уланова, Григорович, Плисецкая будут помнить всю жизнь. Но ведь некоторые охотники знают виртуозных летунов графа Григория Орлова, Заиграй и Смуга. Грамотные охотники помнят и Спартака страстного любителя одессита Осипова, жившего в конце девятнадцатого — начале двадцатого столетия.

Популярность приходит только к тем, кто одержим страстью. Это христианский грех, но без него искусства, к сожалению, не бывает.

СТАРЫЕ ПЕСНИ О СТАРОМ

ПЕРЕБИРАЯ КВНОВСКИЕ АРХИВЫ

Хотя КВН, как известно, в моде у молодежи, но эти заметки могут быть не совсем понятны самым молодым.

Дело в том, что лет 20 назад в вечно модной игре КВН в моде было смешно переделывать всем известные песни. Ну, а поскольку моду в КВН, во всяком случае, — тогда, задавали одесситы, то об одесских КВНовских песенных переделках мы и расскажем.

Вот только всем известные песни, которые этим переделкам подвергались, были всем известны тогда, еще при советской власти, да и проблемы, высмеиваемые в этих переделках, именно той еще властью и были порождены. Поэтому-то, если нынешние тинейджеры чего и не поймут, пусть им объяснят мама с папой.

Ну вот, например, помнится время Больших Похорон, когда нас один за другим оставляли зацелованные вожди? Об этом хорошо пелось на бодрый мотив "Утро красит нежным светом стены древнего Кремля":

*Утром ставят урны с прахом
В стены древнего Кремля,
Похоронит вас с размахом
Вся советская земля!*

Зато наш первый вожь стоял со своей кепкой или без нее по всей советской земле, в каждом селе, на каждом заводе, в каждом санатории, институте, школе и детском саду:

*Мы рождены,
чтоб сказку сделать былью,
Куда ни глянь —
наш сказочник стоит!*

А вот нам с вами, уважаемые папы-мамы нынешних молодых КВНщиков, стоять было решительно не в чем. То есть шаша швейная промышленности, конечно, работала с перевыполнением плана, но лучше бы она этого не делала. Вот, например, на мотив "Ой, цветет калина в поле у ручья":

*Ой, висят костюмы
В ГУМе у Кремля, —
Тех, кто их придумал,
Вешал бы там я!*

И одеваться старались во что-нибудь импортное, привезенное Оттуда теми немногими счастливицами, которых Туда выпускали:

*В Городском саду фарцует
духовой оркестр,
Он вернулся из Европы,
из богатых мест!*

Кстати, заодно объясните детям и быстро вышедшее из употребления слово "фарцовка".

Ну, а простым смертным даже за тем, в чем ходить тогда нельзя, все равно приходилось отстаивать многочасовые очереди:

А чукча в ЦУМе ждет рассвета!

И ведь касалось это не только одежды, но и еды. Правда, только для нас, но не для руководства и не для работников торговли:

*Ночь коротка,
Спит ВЧК,
И лежит у меня под прилавком
Ароматный кусок балыка!
Этот запах мне с детства знаком,
По нему нахожу я обком...*

Зато как мы помогали всем борцам с империализмом за свободу Африки! Поется на мелодию "Вот кто-то с горочки спустился":

*Вот кто-то с дерева спустился,
Наверно, милый мой идет:
На нем набедренна повязка —
Она с ума меня сведет!*

И между прочим, даже петь все эти песенки тогда было не так уж и безопасно. Веселая опереточная мелодия "Частица черта в нас заключена подчас":

*Частица лиц у нас
Заключена подчас!*

Но стоило только подуть лишь легкому ветерку перемен, а впечатление было такое, как будто вокруг бушует ураган. Сначала рвануло под Киевом — до сих пор расхлебываем. Вот, например, на мотив популярной тогда песенки "Не сыпь мне соль на рану...":

*Не сыпь мне в соль урана,
Не говори про взрыв!*

А взрывы следовали один за другим. Помните, Вайкуле с Леонтьевым пели: "На вернисаже как-то раз...":

*В нефтепроводе как-то раз
Случайно вдруг пустили газ —
Все взорвалось само собою!*

А тут еще из-за границы пришла новая напасть:

*Любовь никогда
не бывает без СПИДа,
Но это приятней,
чем СПИД без любви!*

Зато с ветром перемен стало можно говорить о том, чем же от этой самой напасти спастись, вернее, предохраняться. Помните: "Песню дружбы запекает молодежь"?:

*Эту штуку надевает молодежь,
молодежь, молодежь!
С этой штукой ты в беду
не попадешь...*

Правда, купить к тому времени стало невозможно ни эти штуки, ни вообще хоть что-нибудь. Исчезали сигареты (на песенку водовоза из кинофильма "Волга-Волга"):

*Удивительный вопрос:
Почему нет папирос?*

Потом в один далеко не прекрасный

день по всей стране исчезли носки. А Алла Пугачева пела о паромщике: "То берег левый нужен им, то берег правый":

*Носок то левый нужен им,
То нужен правый!
Народу много — он один,
Народу много — он один,
Народу много — он один,
И то — дырявый!*

И в результате стало исчезать, казалось бы, самое вечное — нерушимое единство партии и народа (это ж теперь дети могут спросить у вас: "А какой именно партии?" — то, что нам тогда и в голову бы не пришло). И вместе с Генеральным секретарем заколебалась и генеральная линия. Пусть уж тут звучит классика — "Сердце красавицы склонно к измене...":

*Линия партии
Склонна к измене
И к перемене...*

Дальше — больше: из партии стали выходить. Например, под музыку старого танго "Вам возвращая ваш портрет...":

Вам возвращая партбилет...

И наконец, вышла вся партия вместе с Генеральным. Помните песенку про летний дождь из кинофильма "Я шагаю по Москве"?:

*Бывает, все вдруг станет хорошо,
В чем дело — сразу не поймешь:
А просто новый вожь пришел,
Нормальный новый вожь!
Мелькнет в Кремле
знакомое лицо,
Веселые глаза...*

И тут мы резко захотели броситься в объятия Запада, к чему там совсем не были готовы и сильно испугались. Звучит бодрая советская песня "Нас утро встречает прохладой":

*Европа встречает прохладно
Несчастливых детей Октября,
Америка тоже не рада —
Кормить нас не хочет зазря!*

А у нас в стране, видимо, с голодухи, начался непреодолимый пароксизм законотворчества и строительства демократии. Лирическая песня "Травы, травы, травы не успели...":

*Люди, люди, люди не успели
От программ правительства
загнуться,
Мы почти три дня уже не ели,
Но зато прочли
шесть конституций!*

Ну, а что было потом, — вы знаете. Развалили Союз, обрели независимость, отпустили цены, наполнили магазины, провели приватизацию, перестреляли друг друга, — в общем, вышли на большую дорогу... цивилизованного развития. И у наших детей, играющих вслед за нами в КВН, уже совсем другие песни. Вот, например, эта детская "А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер":

*А ну-ка, песню нам пропой
Про Камасутру,
Про Камасутру,
Про Камасутру,
Расскажем вам,
что делать вечером,
Что утром,
Что делать утром,
Что делать утром!..*

Как писал Михаил Светлов, "новые песни придумала жизнь", — и тут же эти новые песни были перепеты в вечно молодом КВН. Ну, а мы с вами — и тут уже смело можно говорить и о детях, и о родителях — с удовольствием им подпеваем.

Перелистывал архивы
Клуба веселых и находчивых
джентльменов
Одесского университета
Всеволод ЛЮМКИС

Ефим ГАММЕР

ЧЕМПИОН ПЕКИНСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ВАСИЛИЙ ЛОМАЧЕНКО — В ИЕРУСАЛИМЕ

Кубок Баркера, самый престижный приз в любительском боксе, был присужден на Пекинской олимпиаде украинскому спортсмену Василию Ломаченко.

Мне довелось видеть финальный бой, заверченный им в первом раунде с явным преимуществом. Представлялось, что я вернулся

Григорий Люксембург вручает Василию Ломаченко бронзовую художественного литья эмблему Иерусалимского боксерского клуба

в 1964 год, на Токийскую олимпиаду, когда Валерий Попенченко в первом же раунде нокаутировал железобетонного Шульца, победив до этого в полуфинале гроссмейстера ринга Валасека.

Дистанция между двумя боями внушительная — 44 года. А объединяет их Кубок Баркера.

О своем восхождении на боксерский Олимп Валерий Попенченко написал автобиографическую повесть "И вечный бой". Василий Ломаченко книгу еще не пишет, об этом он рассказывает.

Мы с ним встретились в Иерусалимском боксерском клубе братьев Люксембург. Сюда он приехал вместе с Ариком Друкманом, руководителем боксерской секции "Маккаби", и своими друзьями, сопровождающими его в поездке по Израилю.

Василий Ломаченко — худощавый крепко сбитый парень, высокорослый, на мой взгляд, для полупулевеса. Когда-то, еще в шестидесятых годах, в советских научных центрах было определено, что оптимальный рост для полупулевеса — один метр шестьдесят четыре сантиметра. Но то ли ученые мужи от спорта что-то напутали, то ли их выкладки не имеют практического значения. Василий много выше, и спортивные результаты его, скажем так, не оптимальные, а рекордные. Вот его послужной список: чемпион мира по боксу среди юниоров, серебряный призер чемпионата мира среди взрослых, олимпийский чемпион.

— Василий, — спрашиваю я, — на олимпиаде в Пекине жребий свел вас в первом же бою с Альбертом Селимовым, именно с тем российским боксером, кому вы прежде проиграли. Это, как я понимаю, вызвало излишнее предстартовое волнение, которое могло негативно сказаться на ходе поединка. Как было у вас?

— Нет, это как раз придало мне силы, хотя, конечно, мандраж был. По-иному, без мандража, в боксе вообще не бывает. Равнодушные проигрывают чаще.

Как выяснилось из ответа Василия, он жаждал реванша. По некоторым недомолвкам было понятно, что он не согласен с решением судей, отдавших некогда предпочтение Альберту Селимову. И поэтому рвался в бой. "Чем раньше он состоится, тем лучше", — считал Василий.

— Главное, я знал, что могу победить. И более того, знал, как победить. Необходимо просто прибавить скорости и силы в ударе. И это было сделано.

Но это все было сделано, разумеется, под руководством тренера. А им является его папа Анатолий Николаевич Ломаченко, заслуженный тренер Украины, воспитавший помимо сына еще немало превосходных мастеров кожаной перчатки.

Василий говорит, что когда выступает на ринге, ему необходимо, чтобы секундантом был его папа. Пусть тот даже в минуту передышки

не скажет ни одного слова, это все равно является настоящим допингом, придающим уверенности в достижении цели. А цель — это самое важное для него.

— Самое главное в жизни — это цель! — говорит Василий Ломаченко, отвечая на вопрос Эли Люксембурга. — Я ставлю себе цель и иду к ней, никуда не сворачивая. Когда-то у папы, своего тренера, я спросил, что лучше — стать чемпионом мира или чемпионом олимпийских игр? Папа ответил: "Олимпийских игр!". И тогда я сказал: "Стану чемпионом олимпийских игр!". И, как видите, стал.

Первый бой он выиграл при счете 14:7, во втором с узбеком Султановым одержал победу 13:1.

Третий бой на Пекинской олимпиаде Василий провел против хозяина ринга — китайца Ли Янь.

И тут, признался чемпион, перед поединком он мандражировал больше, чем до схватки с Селимовым. Дело в том, что можно было ожидать подсушивания. Во всяком случае, этого опасались. Поэтому выигрывать полагалось безоговорочно. Это и удалось сделать. Счет говорит сам за себя: 12:3.

— И вот финал. И невероятная для финала олимпийских игр победа. В первом раунде. Будто и не было изнурительных боев в прошлом. Никакой усталости — стремительность, боевой задор и блеск золотой медали в глазах. Так, что ли?

— И да, и нет. Просто в предварительных боях, набирая очки, я не

растрачивал себя. Понимал, что победа за мной. Все силы приберег на финал. И выложился от души.

— А не было ли у вас желания отметить победу стаканом водки? — спросил Григорий Люксембург.

— Нет. Я вообще не пью. Когда-то в раннем детстве, в шестилетнем возрасте, мы с сестрой допиливали из рюмочек оставшуюся после ухода гостей водку. Уже тогда мне это не понравилось. Так что и по сей день не увлекаюсь. К тому же в день провозу по две тренировки, а перед олимпиадой — по три.

— И не отдыхаете? — интересуюсь я.

— Один день в неделю выходной. — А чем вы занимаетесь помимо бокса?

— Я живу в городе Белгород-Днестровский в семидесяти километрах от Одессы, учусь в Южноукраинском педагогическом университете имени Ушинского, буду учителем физкультуры. А в перспективе думаю о карьере профессионального боксера. Но когда это будет — время покажет. Пока впереди новые старты.

Мы пожелали Василию Ломаченко успехов на Чемпионате мира по боксу 2009 года и на будущих олимпийских играх в Лондоне.

А потом...

Потом, как обычно, началась очередная тренировка. Удар гонга. И кожаные перчатки засверкали в воздухе: хук, джэб, апперкот. Олимпийские надежды Иерусалимского ринга ринулись в бой.

Лада ПРОКОПОВИЧ НОЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ОДЕССКИЙ СУВЕНИР»

Однажды ночью Фемиды, составляющая компанию другим античным богам, все еще поддерживающим пьедестал памятника герцогу Ришелье, не имея, видимо, других тем для разговора, заявила:

— Меня всегда волновал вопрос — чего ради скульптор Мартос вырядил нашего Ришелье, герцога, генерал-губернатора, в римскую тогу?

— А чё, клёвый прикид, — сказала на это Церера, рискнув попробовать на вкус современный молодежный сленг. — Дядька типа из бани вышел.

— Церера, ты чего?! — опешила Фемиды.

— Проехали, — махнула рукой Церера. — Я только хотела сказать, что облачение герцога, конечно, вызывает некоторые сомнения, но мне, например, непонятно другое. А именно — почему все туристы лапают твою грудь? До блеска затерли...

— А тебе завидно, да? — усмехнулась Фемиды.

— Было б чему завидовать!

— Было б чего лапать!

— Ой, кто бы говорил!

— Девочки, девочки, не ссорьтесь! — вмешался Меркурий.

— Отвали! — хором рявкнули на него богини.

Меркурий вжал голову в плечи и нагнул на глаза шлем.

— Ты, подруга, ври, ври, да не завирайся, — сказала Церера, — моя грудь ничуть не меньше твоей. Просто ее драпировка скрывает. Дело ж не в этом.

— А в чем же?

— А в том, что непонятно, почему у тебя, богини правосудия, именно грудь посчитали чудодейственными мощами... ой, прости, талисманом, к которому надо приложиться на удачу. Где логика? Вот у Меркурия — понятно: все прикасаются к лежащим у его ног монетам, чтобы привлечь к себе богатство, коммерческий успех и тому подобное. Люди верят в силу таких ритуалов и... не знаю, как для них, а для нас от их суеверности реальная польза: с тех пор как зародилась эта традиция, и туристы до блеска отполировали своими руками монеты Меркурия, он стал смотреться гораздо эффектней.

— Так и я теперь смотрюсь неплохо! — воскликнула Фемиды, тряхнув своей сияющей грудью.

— С этим никто не спорит, — сквозь зубы процедила Церера. — Но ведь туристы это делают не ради того, чтобы ты тут сияла своими прелестями.

— А ради чего?

— Вот и я спрашиваю — ради чего? Если от бога торговли они ждут богатства, то от богини правосудия должны ждать... ну, не знаю... справедливости, защиты от воров, мошенников... Но тогда следовало бы прикасаться к весам правосудия, к карающему мечу... Кстати, где он у тебя?

Фемиды огляделась, потопталась, перетряхнула складки своей одежды... Где ж меч-то?..

— Все понятно, — проговорил Меркурий, осторожно выглядывая из-под шлема. — Не видя у нашей Фемиды меча, а замечая только весы и эту дефективную курицу... Или это страус?

— Это не курица и не страус, — ответила Фемиды. — Это Дельфийский оракул.

— Ты серьезно?! — обалдел Меркурий.

— Ну... — замаялась Фемиды, искоса поглядывая на свою пернатую спутницу, — я всегда так думала... а то чего бы ей тут делать?

— Понятно, — проговорил Меркурий, почесывая лоб волшебным жезлом. — Так вот, видя только весы и эту рахитичную курицу, туристы принимают Фемиду за торговку с Привоза.

— А сиськи-то зачем щупать?! — не унималась Церера.

— А кто их знает, — растерялся Меркурий. — Может, как символ равновесия... чтоб их не обвешивали... или чтобы продукты просроченные не подсунили... молоко прокисшее... или чтобы вместо отечественной курочки им не подсунили стероидные "ножки Буша".

— Ну и щупали бы себе Фемиды-ну курицу! — резонно заметила Церера. — Сиськи ее тут при чем?

Понимая, что Церера с этой темой уже не сбить, Меркурий пошел напролом:

— А может, ее грудь им тоже кажется ненатуральной?

— Ну, знаете!!! — взорвалась Фемиды.

И так топнула ногой, что страус, маячивший на заднем плане, со страху попытался спрятать голову в песок, но наткнулся на художественную бронзу и упал без сознания.

— Всякого idiotизма я повидала на своем веку, — продолжала бушевать Фемиды, — но такой чуши еще не слыхала! Ты, Меркурий...

Меркурий понял, что в своих домислах он зашел слишком далеко. Теперь от разгневанной Фемиды можно ожидать такого...

— Фемидочка, дорогая, — взмолился Меркурий, — я вовсе не хотел тебя обидеть! Просто для idiotских явлений сами собой напрашиваются idiotские объяснения. И вообще, знаете, девочки, у меня такое подозрение, что ни одесситы, ни гости города на самом деле и не знают, зачем все это у нас щупают. Не далее как сегодня утром я услышал разговор двух приезжих. Один говорит: "Слушай, тут, кажется, к чему-то надо прикасаться на счастье. Но я не знаю, к чему". А другой ему отвечает: "Будем трогать то, что трогают все. Что блесит, то и трогай". По-моему, под этим предлогом они и Фемиду...

— О, да! — томно протянула Фемиды. — Это было нечто!.. Ведь обычно меня щупают девушки. Почему-то. А тут два симпатичных парня...

— С ума сойти, — закатила глаза Церера. — Уже которое столетие стою я тут с рогом изобилия в руках, и никто к нему даже не прикасается! Казалось бы, тут вам и богатство, и достаток, и обеспеченная старость, и фрукты, и овощи... и никто не обвесит...

— Знаешь, Церера, — задумчиво молвила Фемиды, — кажется, Меркурий прав. Не только меня, но и тебя люди принимают неизвестно за кого. Никто не знает, что ты — богиня плодородия, а в руках у тебя — рог изобилия. Народ нынче пошел темный, мифологию не знает.

— Точно, — поддержал Фемиду Меркурий, — сейчас в обществе актуальны только деньги и сиськи. А колоски, которые у тебя под ногами валяются, да весы справедливости, которые Фемиды так элегантно держит, — кому они нужны? Под наши старые атрибуты люди придумывают новые мифы. Вводят новые обычаи.

— Да, но почему это задевает только нас?! — возмутилась Фемиды. — Почему герцога никто не трогает?

— А чего у него трогать? У него ни сисек нет, ни денег, — усмехнулся Меркурий.

— Зато у него есть лавровый венок, — заметила Церера. — Все, кто тщится славы, могли бы прикасаться к этому символу.

— Да кто ж до него дотянется? — спросил Меркурий. — У него если к чему-то и можно прикоснуться, то только к сандалиям или к подолу тоги.

— Кстати, опять же насчет его тоги, — вспомнила Фемиды. — С какой такой радости Мартос так его вырядил? Нет, ну в самом деле, зачем ему напялили этот лавровый венок? У него что, других, настоящих наград не было? К чему все эти аллегории?

— Это не аллегории, — раздался вдруг чей-то незнакомый голос. Боги вздрогнули.

Стали осматриваться по сторонам, но не заметили никого, кроме старого облезлого пса, спящего под каштаном. Понятно, что замечание об аллегориях исходило не от него. Тогда от кого же?..

Неужели от самого герцога?!

Боги обомлели. За столько лет они впервые услышали его голос. Он ни разу не принимал участия в их ночных беседах, предпочитая гордое молчание.

— Это не аллегория, — повторил герцог. — Это комбинация. Или, как сейчас говорят, компиляция.

— Не понял, — отлепил голову от своего барельефа Меркурий. — Вы, наверное, хотели сказать "композиция"? Или...

— Нет, я сказал именно то, что хотел сказать. Компиляция. Вы, друзья мои, глубоко заблуждаетесь, если считаете, что дух предприимчивости присущ только одесситам. Поверьте, в Санкт-Петербурге тоже имелись головы.

Герцог скривился в страдальческой улыбке, откашлялся. Сырость, постоянно идущая от моря, его просто доканывала. Но сейчас он ощущал непреодолимую потребность выговориться.

— Да, кх-кх, головы. И Мартос был голова. Когда его попросили сделать мне памятник, он сначала отказался. Не потому, что не хотел или не уважал память обо мне, а просто ему было некогда. Он был завален работой: в академии, в мастерской, много заказов, ученых заседаний... Но когда ему назвали сумму, которую готовы были уплатить наличными, он моментально вспомнил, что недавно проводил мастер-класс, где изваял какого-то римского императора. Ему пришла в голову мысль, что можно внести кое-какие изменения в черты лица, и всё — одесский заказ готов. А чтобы усилить образ, решил добавить изображения античных богов. С этим его ученики управились за неполный месяц.

Герцог снова закашлялся. Боги же не издали ни звука. Они находились в таком смятении, что не находили слов.

— И это еще не самый худший вариант, — криво усмехнулся герцог.

— Куда уж хуже!.. То есть хуже, — обронил Меркурий, плохо управляясь со словами.

— Это как посмотреть, — скосил на него слегка прищуренные глаза

герцог. — У Мартоса в мастерской стояла еще одна скульптура в том же стиле. Изображала она... кхе-кхе... греческую гетеру. И я до последнего момента опасался, что Мартос как-нибудь в спешке перепутает изваяния. Ведь одета гетера была почти так же, как и римский герой: та же тога, те же сандалии, венок на голове... Разница заключалась только в том, что у гетеры венок был не из лавровых листьев, а из одуванчиков. Мне бы очень не хотелось предстать в таком виде перед одесситами...

— Понятное дело, — поддержал его Меркурий.

— ...но с другой стороны, я бы многое отдал за то, чтобы узнать, как в этом случае выкрутился бы скульптор. Какой мотивацией он оправдал бы столь романтический образ... кхе-кхе... генерал-губернатора?

— Не думаю, что он стал бы себя утруждать какими бы то ни было оправданиями, — предположила Церера. — За него это сделали бы сами одесситы.

— Да ну?

— Ну да. Если они с таким энтузиазмом наделяют наши атрибуты и части наших тел своим мифическим содержанием, то что помешало бы им придумать замануху для туристов и про ваш венок из одуванчиков? Пустили бы легенду о том, как герцог Ришелье проигрался в карты, где на кону стояло условие явиться на заседание Государственной Думы в венке из одуванчиков... Или что в него влюбилась некая юная особа. И на одном из ба-

лов в порыве нежных чувств возложила на его голову венок из одуванчиков. А он, дабы не ранить черствостью пылкое юное сердце, пронесил этот венок целый день, пока одуванчики не завяли, а потом...

Что было потом, Церера не договорила, поскольку ей послышались чувственные прерывистые всхлипывания. Она повернула голову в сторону Фемиды. Так и есть: та судорожно всхлипывала, промокая уголки глаз одноразовым носовым платочком.

— Ты чего? — спросила Церера подругу.

— Да так, ничего, — смутилась Фемиды, и чтобы скрыть неловкость, сочно высморкалась.

Церере не понадобилось много времени, чтобы догадаться, в чем дело. Кто-то, а она-то знала, что Фемиды, при всей ответственности возложенных на нее функций, увлекалась чтением не только Уголовного кодекса, но и женских романов. Трудно сказать, с какой целью одесскую Фемиду, в отличие от всех других ее коллег, изваяли без повязки на глазах, но она не преминула этим воспользоваться, и каждую свободную минутку посвящает чтению романов: сентиментальных, слезливых, с далекими от реалий жизни перипетиями, но с обязательным хэппи-эндом. Как же не растрогаться от истории с венком из одуванчиков? Это ж вам не пошлое лапание монет. Чистая, возвышенная сказка...

— Да мало ли какие еще легенды могло бы породить буйное воображение одесситов, — закончила Церера, и приняв близко к сердцу собственную выдумку, тоже потянулась за носовым платком.

— Бред какой-то, — молвил Меркурий, с изумлением взирая на расхляпавшихся женщин. — Извините, герцог, но, по-моему, вы нас разыгрываете.

— Разумеется, — ответил герцог. — Сегодня ж 1 Апреля!

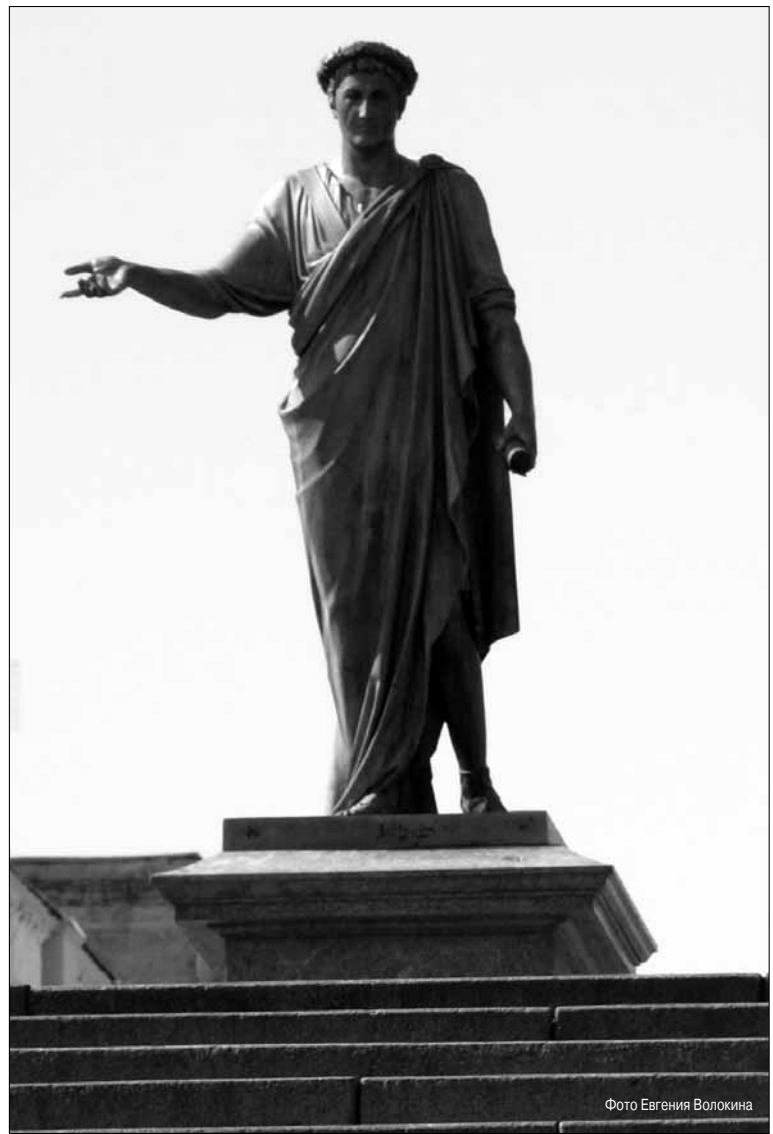

Фото Евгения Волокина

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Исполнилось 70 лет вице-президенту Всемирного клуба одесситов Валерию Исааковичу Хаиту.

Редакция газеты "Всемирные одесские новости" поздравляет нашего коллегу и желает ему новых книг стихов и прозы,

новых номеров журнала "Фонтан", новых инициатив во имя процветания Одессы и Всемирного клуба одесситов.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. 372-572).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68 www.odessitclub.org.